

А н н а Б и л о у с

КАК В К И Н О

*Посвящается моей учительнице
Галине Васильевне Ивановой,
г. Черкассы, Украина*

Миловидный продавец с кривой бородкой немецкого барона Мюнхгаузена стоял за прилавком небольшого магазинчика «Я люблю Англию».

Магазин располагался в самом дальнем и потому не заплеванном туристами конце Робсон-стрит, что красной нитью проходит через сердце канадского Ванкувера.

Каким-то непонятным образом, и совершенно неожиданно, я оказалась в этом магазине, перед полками, забитыми заморской английской снедью.

«Не думала и не гадала, а словно приплыла на облаке», — подумала я.

Магазин показался каким-то очень своим, теплым и уютным. В глазах зарябило конфетными коробками с красными двухэтажными автобусами, в носу запахло английским печеньем и чаем от «Marks and Spencer».

Даже при беглом осмотре стало понятно, что с пустыми руками отсюда явно не уйти.

Тем временем продавец перестал рассматривать меня исподтишка, улыбнулся, поправил странную клетчатую кепку и мелодичным голосом произнес:

— Приветствую вас, о милая леди!

Затем, как будто извинившись за формальное приветствие, добавил уже менее пафосно:

— Лав, все продукты, что на этих полках, доставлены прямо из Англии, не сомневайтесь!

— Спасибо, я это сразу заметила, — ответила я, уверенно протягивая ему красную пластиковую корзину с короткой ручкой, доверху наполненную снедью.

«Когда же это я успела ее наполнить?» — подумала и сказала:

— Посчитайте!

Услужливый продавец по-юношески быстро перехватил корзину, начал доставать и сканировать коробки и баночки.

Его гибкий торс сгибался и разгибался над прилавком. Несмотря на эти быстрые телодвижения, удалось рассмотреть болтавшиеся на длинной самодельной веревке простенькие очки, клетчатые брюки и сходящийся спереди на деревянных пуговицах зеленый пуловер.

Если бы не прилавок с магазином, то можно было бы подумать, что он собрался играть в гольф.

— Вам нравятся английские продукты? — спросил продавец, улыбаясь, в очередной раз расправляя спину и выныривая из-под прилавка.

— Я скучаю по Лондону, прожила там три года, — доверчиво ответила я, поправляя челку.

— О, мне так знакомо это чувство! Вы не поверите, я тоже из Англии. Десять лет тому назад я покинул туманный Альбион, и вот теперь, как фрегат, я пришвартован в Ванкувере, — романтично ответил продавец, — А как давно вы переехали в Канаду? — спросил и посмотрел на меня.

— Недавно, — ответила я. — В Ванкувере всего два года, но иногда мне кажется, что я прожила тут целую вечность...

— О, как я вас понимаю, — продолжал складывать продукты в пакеты продавец. — Вы долго будете скучать по Европе, лав, я это гарантирую! — как будто обрадовался он. — Французы и русские называют это скучание ностальгией, а я придумал новое название: «Излечение пятью тысячами долларов»!

Его мелодичный голос, серая клетчатая кепка и это обращение ко мне словом «лав», на английский манер, как будто резанули по ноющей струне где-то под тонким свитером, глубоко внутри.

— Мне кажется, что я переехала жить на конец света, — неожиданно для себя пожаловалась я англичанину.

— Тут все по-другому, не по-европейски, но в то же время, вроде бы и не по-американски. Этот бесконечный дождь и оторванность от нашего привычного мира как-то особенно давят и напрягают. Сна-

чала было все интересно, а теперь и жить вдруг не хочется, — совершенно не отдавая себе отчета в происходящем, разоткровенничалась я.

Клетчатый англичанин криво усмехнулся и, совсем не скрывая движений, вдруг нажал кнопку вызова полиции, удобно вмонтированную возле кассового аппарата.

«Он что, думает, я не оплачу и вызывает полицию?» — удивилась я.

После нажатия кнопки по стенам магазина побежали цветные го-рошки, а из невидимых динамиков полилась до боли знакомая мелодия английского гимна «Боже, храни Королеву!»

Англичанин резко выпрямился и вдруг запел один из куплетов гимна сильным баритоном. Одной рукой он все еще держал мой пла-стиковый пакет, до краев набитый продуктами, а в другой сжимал желтый лимон, театрально прижав его к груди.

Я молча наблюдала это кино.

— Двенадцать часов дня, и я должен пропеть гимн моей родины, извините.

Закончив с песнопением, англичанин снова обратился ко мне:

— Я совершенно согласен с вами. Мы тут живем совершенно ото-рванными от мира! — подтвердил он. — Еще совсем недавно я тоже так думал! Представляете, мы самыми последними встречаем Но-вый год! После нас, кажется, только Гавайи, говорил я моим дру-зьям. Так было со мной, и так бывает со всеми, кто добирается до берегов западного побережья Канады или Америки.

— И чем все это закончилось? Вы как-то успокоились? — спра-сила я.

— Конечно, лав, все на свете заканчивается... и хорошее, и плохое, и чувства, и смятения, — по-философски ответил продавец, пытаясь втиснуть лимон в пакет рядом с английским печеньем.

— Я, скажу вам честно, наблюдал за моими друзьями и видел, что все они тоже мучились, точно так же, как и я. Мои близкие друзья-англичане — не последние люди: инженеры, муж и жена, бездетная пара. Они тоже прошли излечение пятью тысячами долларов.

— Столько денег потратили на лекарства? — удивленно спросила я.

— Нет, это кодовое название, — усмехнулся англичанин. — Это название придумал я, чтобы заменить дурацкое понятие «носталь-гии», — похвастался он. — Ностальгия, скажу вам откровенно, по-

нятие из прошлого века, когда у людей было время расслабиться и переживать, лежать на диване или писать стихи. А сейчас времени на все эти занятия, включая ностальгию, увы, не осталось. Мы совершенно не отдаем себе отчета в происходящем, несемся напропалую, спешим и нажимаем кнопки. Остановились, перевели дух и снова тупо нажимаем. А дальше будет еще хуже! — поспешно добавил он и зашелестел пакетами. — Нам некогда чувствовать себя, других, а тем более какую-то новую страну, куда мы только что приперлись. Нам некогда жаловаться и сблизиться с кем-то эмоционально... Нам некогда сблизиться с самими собой!

Он поднял указательный палец и ткнул им в воздух, как будто ставил восклицательный знак. Из поднятого на мгновение пальца вдруг выпорхнула желтая канарейка. Я не успела даже ахнуть, англичанин же спокойно проводил ее взглядом и, кажется, остался доволен собой.

— Так вот! Мои друзья-англичане, прекрасная пара, не выдержали этого канадского рая, собрали все свои вещи, устроили распродажу барахла и после этого улетели обратно, в Дувр. Там, в доброй старой Англии, они снова погрузились в свой привычный английский мир... сами знаете: размеренность, застолья в пивных барах, английские лужайки, славная чашечка чая в пять часов вечера и доставка молока под дверь с утра, — сказав это, англичанин заулыбался во весь рот. — Одним словом, былую жизнь мои друзья легко восстановили, вернулись восвояси, однако, скажу вам откровенно, эти перемены и возвращение не принесли им счастья.

— Как так? — удивленно спросила я.

Продавец вздохнул и почему-то снова потрогал кепку.

— Ванкувер забыть они так и не смогли! Вы знаете, — продолжил он задумчиво, — им начали сниться какие-то канадские сны, все эти горы и леса, и эта первозданная безмятежность, и наши просторы, и бесконечные канадские дороги. Понимаете, вся семья снова окунулась в душевные муки, но теперь, уже в Англии, они страдали и мечтали о Канаде. Жена начала писать стихи и даже опубликовала парочку в литературном журнале, а муж сильно переживал и, представьте себе, обратился к психологу. Вы много видели англичан на приеме у психолога? Это же вам не американский менталитет! Нас скорее увидишь в пабе, за бутылкой английского виски, чем в его приемной, — почти рассмеялся он.

Я внимательно слушала и представляла эту английскую пару, их страдания, в которые почему-то верилось очень легко.

Продавец смотрел вниз.

— Так вот, — продолжил продавец, — мучились они в своей любимой Англии недолго, всего с полгода и, в конце концов, купили билеты обратно, в Ванкувер. Они всего лишь иммигрировали во второй раз, так как виза на постоянное жительство в Канаде у них была, — закончил англичанин и улыбнулся губами Мика Джаггера. — Такие дела, лав. На все свои страдания, приезды и отъезды эта семья потратили около пяти тысяч долларов. А как потратили, так сразу и вылетелись, и перестали скучать по Англии раз и навсегда! Вы мне не верите, лав? — уставился мне в переносицу. — Теперь эта семейка живет тут и наслаждается жизнью Ванкувера. Про Англию они вспоминают спокойно, без истерик, пишут в твиттере родственникам и встречают бесконечных гостей из Англии, — как будто подытожил продавец и прямо через прилавок подал мне пакеты, доверху наполненные продуктами. — У вас ностальгия тоже пройдет, думайте обо всем легче, без надрыва! — сказал он вдруг голосом моей соседки Марси.

Откуда-то сверху снова полилась мелодия «Боже, храни Королеву». Только что оплаченный лимон зазвенел, вынырнул из пакета и плавно поплыл вверх по воздуху. Я молча проводила его взглядом. Желтобокий бесцеремонно парил над нами, постепенно смешался со стаей разноцветных горошков и вдруг, проплывая у меня над правым ухом, резко зазвонил телефонной трелью будильника.

Я вздрогнула и проснулась, села в кровати и поняла, что точно проспала. Мужа рядом не было. В кровати, на простыне, остались только вмятины, а его, как говорится, и след простыл.

«И рано утром и поздно вечером: подработки!» — пронеслось в голове.

Раскрашенные солнечным светом, распахнутые гобеленовые гардины тяжело покачивались на окне. Они светились зрелой желтизной, скорее напоминающей полдень, чем ранний рассвет. Поспешно распахнув слои одеял и соскочив на пол, я понеслась в ванную, стараясь хотя бы за хвост поймать стремительно убежавшее утро.

Натягивать деловую юбку и легкую блузку приходилось прямо на ходу. Разбрасывая в стороны все ненужное, я собиралась быстро, осознавая, что сегодня мне предстоит научиться чистить зубы и одеваться одновременно.

Лавируя между кроватью и шкафом, на ходу подхватывала жизненно важные предметы. В сумку полетела туго набитая косметичка, расческа, ручка и туфли на широком каблуке. Красный еженедельник и легкий пиджак были добавлены туда уже в коридоре.

Двери громко хлопнули позади меня, наверняка не разбудив никого из соседей по этажу. В нашем интернациональном доме проживали только те, кто назвал Канаду родиной совсем недавно, а иммигранты, как водится, встают рано и ложатся поздно, вечно стараясь куда-то прорваться и догнать стремительно меняющуюся местную жизнь.

Босые ноги понеслись по холодным ступенькам подъезда.

«А может, все-таки успею?» — пульсировало в голове.

Я давно предполагала, что любая уважающая себя женщина может справиться с утренним макияжем и укладкой волос за рулем собственного автомобиля. Теперь мне предстояло на практике доказать это самой себе.

Еще одно движение — и выбежала на улицу. Дернула за дверку авто. Мой зеленый «Фольксваген Гольф» напрягся, взревел мотором и, как послушный Конек-Горбунок, юрко вырулил на проезжую часть.

Ванкувер, как и все курортные города мира, страдает болезнью дорожного тромбоза. Пробриться сквозь трафик и проехать узкие улицы молодежного района Китсилано, да еще в часы утреннего столпотворения, задача не из легких. Мое продвижение по загруженной трассе можно было назвать бегом по-пластунски, с расталкиванием локтями. Обминая уверенных в себе жителей прибрежного элитного района, мне предстояло добраться до более быстрого движения Бродвея.

Опять приходилось делать несколько дел одновременно! Придерживая руль застывшего на светофоре автомобиля, уверенными движениями растерла крем на шее и лице, подвела карандашом глаза. Одного красного светофора хватило на лицо, на втором светофоре красила ресницы, а на третьем, уже совсем перед выездом на Бродвей, из копны непослушных волос смастерила прическу хвост. На макушке волосы топорщились и казались сбившимися.

«Сбившиеся волосы на макушке и гладкий уложенный хвост придают женщине сексуальности и напоминают о времени, проведенном в постели», — вспомнила подзаголовок журнала «Cosmopolitan»,

который недавно пролистала в медленно ползущей очереди у кассы гипермаркета «Superstore». Журнал так и остался на полке, а глупые фразы почему-то отпечатались в моей голове.

«Самые передовые глупости всегда печатают на передовых страницах», — любил повторять директор нашего переводческого агентства, пролистывая утренние газеты и почесывая за ухом.

В бюро переводов, где я вкальвала уже второй год, скептически относились к модным журналам, красивым женщинам и дорогим напиткам.

«Наш драгоценный первач ничуть не хуже их самого дорогого шотландского виски», — делился сокровенным Вадим, иммигрант с пятнадцатилетним стажем, и он же владелец нашего передового переводческого бюро, расположенного в центре живописного Ванкувера.

Вадим был грузным сорокапятилетним мужчиной, обожавшим хорошо поесть. Когда-то, двадцать лет тому назад, он переехал в Ванкувер из Ленинграда.

— Я поменял шило на мыло, — сокрушаясь, часто откровенничал Вадим. — В Питере дождей было такое же количество, можно было никуда и не ехать! — обычно говорил он по вторникам, когда работать становилось особо тяжело.

Именно ко вторнику Вадим успевал подзабыть утехи воскресной рыбалки, обеды и вечерние скитания по барам молодежной Грэнвилл-стрит, а три предстоящих рабочих будня вдруг начинали казаться серым забором.

— В ООН работать не позовут, а, значит, и делать особо нечего, — вслух жаловался он сам себе.

В небольшой комнате нашей переводческой конторы директор восседал за рабочим столом на собственном парадном троне, помещавшемся в середине комнаты. Стол был завален кипой газет, а трон сверкал поддельным золотом. И трон, и стол достались Вадиму на распродаже декораций и инвентаря одной из киностудий, снимавшей свои фильмы в Ванкувере.

На завтрак директор любил выпивать гигантскую чашку кофе, а на ланч заказывал себе трехэтажные бутерброды из кафе «Еда-Еда». Девушка в короткой юбке доставляла коробку с громадными бутербродами прямо к нам в офис на мотороллере.

Рабочий день Вадима начинался с перелистывания местных газет и с обязательного ежедневного просмотра программы RT. Он смо-

трел свою любимую программу на широченном айпэде, разложенном поверх стопки свежих газет.

В бюро переводов, включая меня, официально работали три переводчика. Двадцатипятилетняя Люда и вечно молодая Галина Борисовна были приставлены к обслуживанию юридических дел. Переводчицы попеременно бегали по судам, куда, время от времени, попадали неразборчивые русскоговорящие иммигранты.

Директор планировал расписание самостоятельно. Он расписывал вызовы нашей женской команды на неделю вперед, в умело расчерченной таблице, прямо на офисной стене. Иногда к моим запланированным часам, записанным на доске черным фломастером, добавлялись и красные записи срочной работы. За срочную работу агентство Вадима платило на тридцать процентов больше, и за них можно было радоваться по-красному!

Ввиду моего опыта работы с медицинскими темами и внешними данными положительного образа классной училки, мне доставались самые требовательные и эмоционально выматывающие медицинские переводы.

Казалось, директор думал, что правильно переведенные диагнозы и предписания врача, в комбинации со славянским овалом лица, способны не только произвести впечатление надежности и профессионализма, но заодно излечить и болезни.

Несмотря на все эти положительные внешние моменты, о карьерном росте мне приходилось только мечтать!

«Высокий рост и размер чашки лифчика больше размера «В» позволяет современной женщине добиться карьерного роста и высокого заработка», — кричали передовицы журнала «GQ» со стойки прилавка ванкуверской заправки.

Стоит любому журналу разместиться на полках, как журнальные банальности начинают запросто выпрыгивать из них и лезть в голову даже тем, кто совершенно не собирался читать и верить передовому туалетному чтиву.

Я иногда думала, что все заковыристо липучие заголовки модных журнальных передовиц мог, совершенно не напрягаясь, сочинить наш директор, Вадим. Никогда не удивилась бы, если бы узнала, что в перерывах между просмотрами RT и поглощениями смузиков, именно наш директор сочинял все сахарно-миндальные постулаты, рассчитанные для доверчивых женских глаз и

умов. Директор и журналы парили на каких-то своих общих, особых широтах.

Медицинские переводы слыли самыми ответственными и трудными заданиями в нашем агентстве.

Политической тематики у нас почти не водилось. Ванкуверские политики не нуждались в переводах с русского. Их взгляды было обращены в Поднебесную. Разодетые в пиджаки канадского пошива, политики улетали на Восток целыми стаями и пытались пробить многочисленные окна в богатый Китай.

— Тут и пробивать ничего не надо! — любил комментировать новости об очередном братании местных властей с азиатскими странами наш директор. — Ванкувер и так уже азиатский город! — торжественно напоминал он.

— Нет, Вадим Сергеевич, ошибаетесь, Сан-Франциско... — отвечала ему Люда. — Сан-Франциско и сейчас лидирует по количеству иммигрантов из азиатских стран, и там их ни много ни мало, а все тридцать процентов. Изю всех городов Америки и Канады в Сан-Франциско азиатов больше всего. Они нас перегнали! — уверенно заявляла она.

— А сколько там русскоязычных проживает, забыли? — пыталась поспорить я.

Далее обычно следовало дополнение Вадима о том, что мы недалеко отстали от Сан-Франциско и о том, что каждый четвертый заказ, приходивший в наше бюро, требовал перевода с азиатских языков.

— Нам нужно принять в команду китайского переводчика, — не уставала советовать томным голосом Галина Борисовна, выглядывая из-за раскидистой офисной пальмочки. — Квалифицированный китайский переводчик всегда переводит и с мандарина, и с кантонеза, а повезет вам, Вадим Борисович, так еще и с филиппинского, и вьетнамского переведет, — добавляла она.

Я же попросту пропускала эти разговоры между ушей, так как в сфере ведения бизнеса наш директор не отличался ни умом, ни сообразительностью. Как фрегат со сбитой мачтой, агентство медленно дрейфовало в луже заказов и пребывало в какой-то первобытной спячке.

Меня радовала полная ставка, так как работать по специальности было одно удовольствие. Именно сейчас, едва сдерживая стрел-

ку спидометра на отметке шестьдесят, я торопилась и впопыхах догоняла свое дневное расписание, а может, это расписание бежало вслед за мной. Когда проспичь, раздумывать нет времени, придется только догонять.

Медленные троллейбусы тянулись в левой полосе. В правой проскакивали юркие и проворные легковушки. Я постаралась пристроиться за троллейбусом, влилась в течение полосы и, едва уловив ритм движения, осторожно скосила глаза на открытую страничку еженедельника, брошенного на переднем сиденье.

С самых первых дней иммиграции еженедельник стал моим главным рабочим руководством. Как волшебная нить Ариадны, он вел меня через лабиринты запутанных иммигрантских будней. Я привыкла покупать разноцветные книжечки еженедельника в дискаунтных магазинах Виннерса. Они, как и друзья в иммиграции, попадались разные. Я отдавала предпочтение тем, что были похожи на сонники. На первой странице, после золотой тисненной обложки, обычно публиковали знаки Зодиака и прогнозы неудач, расписанных на целый год, по месяцам. В конце каждой недели пестрели многозначительные шутки из аналогов заковыристого канадского юмора.

Шутку этой недели я разглядела еще в воскресенье. Она была короткой и поучительной:

Скончался мистер Смит, и миссис Смит пришла в газету заказать объявление о предстоящей церковной панихиде в память о нем. Она принесла текст объявления редактору: «Скончался мистер Смит». Редактор взглянул на объявление и сокрушенно сказал:

— Вы, дорогая моя, прожили с мужем тридцать пять лет, и я думаю, вам есть что сказать о нем. Почему же вы изъясняетесь так коротко? Если вы беспокоитесь о стоимости, то я хочу предупредить, что первые шесть слов публикуются у нас совершенно бесплатно. Вдова, обрадовавшись, кивнула и быстро дописала текст. Редактор прочел: «Скончался мистер Смит. Лодка на продажу!»

Смеяться над бедными людьми совсем не хотелось. А может я хранила верность еженедельникам, так как не доверяла проводам, телефонам и батарейкам? Быть может, я боялась, что в ответственный момент они разрядятся и подведут.

— Мы полностью отдаемся старым привычкам, любим привычные вещи и часто недолюбливаем все новое и передовое. От этого

надо уходить, ведь новизна привычек и жизненных подходов — это и есть молодость мысли, которая управляет молодостью тела, — тараторил психолог на одной из радиоволн.

Хотелось верить этому психологу.

— Ты просто абсолютно привязана и жить не можешь без своего еженедельника! — как будто жалуясь на мою близость с кем-то посторонним, частенько упрекал меня муж.

Я просто улыбалась и игнорировала его комментарии. Не очень-то хотелось признаваться в зависимости от графиков и расписаний ни мужу, ни самой себе.

Надо заметить, что с мужем мы были лучшими друзьями и делились почти всем. Виктор приехал в Канаду из Харькова, а наша самая первая встреча произошла в русском центре Ванкувера, на Пасху.

Мой будущий муж волонтерил на концерте и вежливо рассаживал посетителей и в то же время предлагал приобрести сувениры.

— Почем крашенки? — спросила я тогда, потянув его за рукав вышитой сорочки.

— Вам, девушка, совершенно бесплатно, — попросту ответил он, заглядывая мне в глаза.

— Это почему? — удивилась я. — Вы что, тоже из Питера?

— Нет, я из Харькова, но вы, дорогая моя, знаете правильные слова, — ответил он подмигнув. — Народ спрашивает «крашеные яйца», а вы оперируете другими понятиями.

«Наш человек, надо брать!» — подумала я тогда. Он обращает внимания на значения слов. Мужчины редко задумываются над такими пустяками, а с ним будет легко, подумалось тогда в русском центре на Пасху.

Чутье меня не подвело. С Виктором и впрямь было легко. Два года вместе — как один миг. Словно простояла под рогом изобилия: цветы, конфеты, подарки. Казалось, Виктор старался изо всех сил, а я почему-то замерла, застыла в оцепенении, как серая цапля на берегу, боялась потревожить принадлежавшее мне озеро постоянства, томилась мыслью, что новое и доброе постепенно закончится, зачахнет и погибнет на корню.

Муж много работал в фирме по обслуживанию компьютеров и, вдобавок ко всему, постоянно подрабатывал, снимаясь в массовках, на съемочных площадках, которыми плотно усеяна карта Ванкувера и его пригородов.

Трудно было представить, что мелькание на заднем плане в кадрах кино и рекламы называется работой и что за это хоть сколько-нибудь заплатят! Надо заметить, что эти креативные вылазки, в виде шатания по улицам перед камерой, лежания в кровати вместо кинозвезды, разгона машины, имитируя побег, оплачивались довольно хорошо, с учетом специальных тарифов профсоюза работников кино, куда Виктора приняли с распростертыми объятьями.

Однако самое невероятное происходило тогда, когда лицо или фигура моего мужа задерживались на экране больше пяти минут. По капиталистически сказочным правилам профсоюза это время считалось актерским и оплачивалось при каждом показе кадров с моим благоверным в любой точке планеты.

Не успевал фильм с профилем или анфасом мужа выйти на экраны в Мадриде или в Москве, как очередной чек от международных прокатчиков фильмов уже летел в наш почтовый ящик. Креативные подработки Виктора приносили сочные денежные плоды!

Виктор уходил на основную работу совсем рано, буквально на рассвете, и встречались мы дома уже затемно, когда он продолжал подрабатывать.

По вечерам Виктор кружил над рабочим столом, паял, сверлил все подряд, мурлыча какие-то песенки, или наоборот, затихал, утонув на классической волне ванкуверского радио.

Его рабочий стол разрастался не по дням, а по часам, поглощая все новые сантиметры жилого пространства, и вскоре полностью занял одну из комнат нашей трехкомнатной квартиры.

Я, честно говоря, быстро позабыла и цвет, и форму этого стола, так как за время технических подработок мужа, завалы винтиков и схем размножались, как живые, поглощая не только его пространство, но и полосатое автономное кресло. Постепенно металла становилось слишком много, и Виктор начинал пропускать ужины, продолжая колдовать, зависая над столом с паяльником и отверткой до утра.

Затем, после бессонных ночей по Виктора велению и по его хотению, пространство нашей квартиры как будто расширялось, впуская незнакомых людей, которые выносили из комнаты вновь ожившие телевизоры, восстановленные телефоны и собранные под заказ принтеры.

— Когда ты успеваешь все это сделать? — искренне удивляясь толпе народа, спрашивала я.

В ответ Виктор лишь улыбался, демонстративно шелестел у меня перед глазами веером, сложенным из долларов, радуясь очередной прибавке к семейному бюджету. Он радовался, а я смотрела на его улыбающуюся физиономию, ласкала взглядом светлые волосы, ровный нос, тянущиеся ко мне губы и руки.

После технических успехов мужа, способного превращать никому не нужные железки в денежные знаки, любовь накрывала нас особым энергетическим покрывалом, сотканным из мокрых поцелуев и жарких объятий.

Зарабатывал Виктор в два раза больше меня и заботился о бытовой стороне нашей иммигрантской стабильности: все домашние счета и продуктовые закупки были на его плечах. Думать об этой бытовой защищенности было особенно приятно.

«Современная женщина не станет обременять себя заботами о мужчине и о быте, она займется правильным питанием и будет пить смузи каждый день», — боролся за права женщин очередной журнал.

— Тебе повезло, детка! Виктор работает и днем, и ночью. Он редкий экземпляр, качественный мужчина! Тебе повезло, у него практически нет недостатков, — говорила мне подруга Марси, в очередной раз приходившая на чай, вино и длинные разговоры.

Приятно было услышать слова, подтверждающие мои собственные выводы, однако Марси не знала о самом большом разногласии, которое, как скороспелая ржавчина, уже начинало разъедать беспроблемные будни нашей молодой семьи. Казалось, что и наши отношения с мужем, и спокойствие налаженной иммигрантской жизни постепенно натягивались в длинную вибрирующую струну ожидания.

Не отличаясь постоянством, Виктор менял спортивные шапочки с пестрыми названиями хоккейных команд, совсем не собираясь становиться фанатом хотя бы одной из них. Постоянство моего мужа выразалось в его неизменном желании изменить простое и устаканившееся уравнение нашей семьи.

Мой муж хотел ребенка.

Его желание росло с каждым днем, сначала капая на меня, как неожиданная февральская капель, и вскоре выросло, как сосулька в марте, готовая в любой момент обрушиться на голову.

Вначале я терпеливо надеялась, что Виктор выговорится, остынет, уйдет в работу и перестанет насаждать на меня со своими ско-

роспелыми запросами. Затем я мечтала, чтобы он просто отстал от меня, и наша иммигрантская жизнь продолжалась бы без перемен. Но не тут-то было!

Мой муж вновь и вновь разглагольствовал о прекрасном будущем, наполненном подгузниками и колясками; как будто любуясь, заглядывал в глаза гордо проплывавшим по улицам беременным женщинам; заискивая, лебезил со мной и терпеливо ждал от меня детей.

— Конечно, Татьяна! — говорила подруга Марси, по-английски растягивая мое имя на непроизносимом мягком знаке. — Это очень даже нормально, что твой муж хочет ребенка. Я не пойму, почему ты затягиваешь с этим вопросом. Твой Виктор похож на породистую овчарку. Не глаза, а просто чудо! От таких мужчин рождаются красивые детки, — смеялась она в очередной раз, поднимая бокал и оставляя винные разводы на полированной глади моего японского столика. — Ну, почему ты считаешь себя не готовой к этому шагу? С таким мужчиной не пропадешь! Почему ты все время споришь?

А я и не спорила.

В моменты откровений подруги я предпочитала молчать, внимательно изучая припудренное лицо Марси, осматривала ее широкие бедра и большегрудую блузу, в которую спокойно могли поместиться и два, и три детеныша.

Если говорить начистоту, то я не переставала надеяться, что вопросы о детях рассосутся сами собой. Однако благодаря каким-то потаенным движениям энергии моего, всегда готового к продолжению рода, мужа, эти вопросы снова и снова повисали у нас под потолком, расплывались вопросительными знаками в супе, всплывали в чашке утреннего чая и проявлялись в каплях дождя на окне.

— Когда мы заведем ребенка, дорогая? Когда ты будешь уверена во мне? Мы в Канаде уже несколько лет, я работаю и смогу обеспечить тебя, родишь мне лялю? — ласково спрашивал Виктор и в очередной раз вгонял меня в ступор.

Казалось, что эти липкие вопросы висели у него на шее, как приманка или как связка сладких бубликов на веревке.

После надоевших больше горькой редьки, разговоров о детях мне приходилось заводить очередное хобби, часами висеть на телефоне, дозваниваться и воскрешать из памяти номера самых далеких знакомых, так как с близкими подругами длинных разговоров уже не получалось.

— Иммигрантская жизнь полна неожиданных трудностей, а для продолжения рода требуются стабильность и определенность! — хотелось закричать Виктору в ухо, или приклеить плакат с этой надписью у него над рабочим столом.

Вот и сейчас, вспоминая неудобную тему, заметила, как к горлу подступил комок, а пальцы непроизвольно впились в руль.

Я вырулила на Бродвей, уже точно зная, что почти догнала утреннее расписание. На следующем перекрестке неуверенный красный глаз светофора сменился надежным зеленым. Пешеходы замерли, а машины задрожали мелкой дрожью, стремительно понеслись к неизбежным пробкам и заторам за горизонтом.

Наверное, когда-то давно, на заре автостроения, англичане гордились количеством машин на дорогах и с любовью окрестили спонтанно возникавшие дорожные пробки трэфик джемом.

Наверняка, совершенно не представляя будущего мультиполосных хайвеев, увлеченные автопредки наслаждались свободой дорожного движения, смаковали скоростные гонки и даже не могли себе представить последствий размножения автомобилей на улицах городов будущего.

Сто лет тому назад никому не приходило в голову, что сладость движения на дорогах сначала вязнет, а затем постепенно затвердеет, как старое варенье, превращаясь в ненавистную засохшую дорожную пробку.

Час пик был в самом разгаре. Солнце доползло до крыш домов. Над ними парили белогрудые морские чайки, долетавшие до ванкуверского Бродвея с берегов сонного Тихого океана.

Я снова нажала на педаль и сразу вспомнила о туфлях, так удобно сидевших на ногах. При вождении и давлении на тормоз и газ, краска дорогих туфель очень быстро стирается именно со стороны пятки. «Хорошие туфли лучше побережь», — почему-то пронеслось в голове.

«Легко шагая впереди, женщины крутят земной шар своими ногами, а мы помогаем им делать это красиво!» — кричала одна из реклам обувной фирмы на уличном баннере, свисавшем над прохожими на перекрестке Бродвея и Грэнвилл-стрит.

Ловким движением правой ноги я сняла туфель и, зацепив его снизу рукой, переложила на сиденье. Ребристой поверхностью металла педаль впечаталась в ступню. Нажимать на тормоз и газ босой ногой было одно удовольствие.

Пробежалась глазами по дорожкам расписания еженедельника.

В десять утра у меня запланирован аборт, затем я на встрече в суде, и после двух часов дня назначена встреча в психушке. На психушку запросили целых три часа, и ехать туда минут сорок без трафика, а значит, домой я вернусь не раньше семи вечера, пронеслось в голове.

При мыслях об аборте в пустом желудке начались перезвоны.

Мой маленький «гольф» пролетел несколько перекрестков Бродвея и свернул на узкие полосы Виктория-драйв. Разлогие деревья, нависшие над тротуарами по обе стороны узкой дороги, отпечатались на мокром асфальте косыми трафаретами теней. Колеса машины зашипели, проезжая через гальку аллеи ведущей к старинному особняку.

Я вспомнила, что в Канаде ярлык старины цепляют буквально на все предметы, которые старше тридцати лет.

Мне пришлось притормозить и перепроверить порядковый номер здания, вытесанный на стене и почти не заметный с дороги. Пышные резные клены окружали двухэтажный особняк, выложенный из рыжих кирпичей. Узкая вытоптанная дорожка вела через палисадник прямо под козырек трехступенчатого крыльца, обвитого вечнозеленым плющом.

Захватив с собой еженедельник и захлопнув машину, я уверенно направилась к парадному входу дома с названием «Клиника Планирования Семьи И Прерывания Беременности». Как и полагалось по правилам английской грамматики, заглавные буквы каждого слова в названии подчеркивали важность его содержания.

Сегодня мне предстояло разгадать тайны этих слов.

Кошмар поджидал меня уже в палисаднике.

— Мама, не убивай меня! — кричал плакат, свисавший с веток старого клена.

— Я всегда останусь твоей жертвой! — вторил ему другой.

— Ты не имеешь права лишать меня жизни! — подводила итог всему сказанному простенькая надпись, дрожащая полотном на ветру.

С другой стороны клена на меня смотрели глаза трех пластиковых кукол-зародышей, за ноги подвешенных на ветки перед самым входом в клинику.

Я не могла поверить своим глазам. «Эта клиника протестует сама против себя? Что происходит? Кому предназначены плакаты с таким надрывом?» — проносилось в голове.

Я позвонила в дверь, звонок отозвался домашней мелодией.

— Вам кого? — железным официальным голосом спросил селектор.

— Меня зовут Татьяна Семенова, я переводчик, здесь назначена встреча на десять утра.

— Сейчас только половина десятого, ждите. Я вам открою дверь через пятнадцать минут.

— А внутри нельзя подождать?

— Не положено, у нас маленькое помещение, погода хорошая, а там под липами есть скамейка, подождите.

Выслушав металлический отказ, я машинально искала глазами, где бы присесть.

«Липы в Ванкувере, как и переводчики с русского языка, встречаются не часто», — подумала и присела на небольшую скамейку под деревом.

Спокойствие запланированного дня снова отозвалось солнечным светом, но продлилось оно недолго, ровно до момента, когда откуда-то сверху послышался голос:

— Как я вас всех ненавижу! Вы трахаетесь и не думаете о последствиях, — громко сказали с липы на чистом английском.

Я вытянула шею и попыталась повнимательнее рассмотреть крону дерева. Из-за пышной листвы торчала рыжая шевелюра женщины лет шестидесяти, старательно прикручивающей очередного пластикового зародыша к ветке дерева. От неожиданности я не знала, что сказать, но тут же спросила:

— Зачем вы развешиваете этих кукол?

— Кто тут? Вы кто? Очередная дура? — спросила она меня сверху, не останавливая своих движений.

Маленькие ножки пластикового зародыша приходились ей как раз на уровне груди. Чтобы разглядеть меня, она старалась подвинуть куклу рукой. Женщина стояла на ветках дерева, пытаясь одновременно балансировать и побыстрее прикрутить куклу к дереву.

— Меня зовут Татьяна, я переводчик, пришла в клинику по вызову, — ответила я. — А вы кто?

— Меня зовут Кэрон, и я председатель общества защиты прав зародышей провинции Британской Колумбии и Альберты, — назидательно сообщила мне женщина с ветки.

— Вы собираетесь спуститься?

— Ну, да! Уже прикрутила куколку и спускаюсь. Спущусь и поучу вас жизни, — почти что прохрипела с ветки Кэрон.

Защитница зародышей нашей провинции двигалась на редкость проворно. Быстрыми натренированными движениями она перемещалась с ветки на ветку. Еще одно движение и бесформенное тело плюхнулось на скамейку рядом со мной.

— Привет, я Кэрон, — сказала она еще раз и тут же бесцеремонно уставилась на меня, одновременно расправляя и разглаживая руками подол измятого платья.

«И в платье полезла на дерево!» — пронеслось у меня в голове.

— Фуф, ну и запарилась я! — сказала незнакомка и вытерла лицо кружевным платочком.

В этот момент можно было подумать, что она вернулась с дамских посиделок, а не только что слезла с дерева. Однако грустно колыхавшиеся над моей головой пластиковые зародыши молчаливо подтверждали эпопею ее древесных походов.

— Сегодня по плану я должна прикрутить эти куколки в трех клиниках Ванкувера и Ричмонда. Это нелегко, займет весь день! — продолжала она, вытирая со лба пот и налипшие на него листья.

«Конечно, нелегко в твоём возрасте лазить по деревьям, да еще в платье», — подумала я и вслух сказала:

— И кто только заставляет вас цеплять все это?

— Совесть моя и душа моя, — ответила она. — Да, да! И совесть, и душа плачут каждый день, когда я думаю о том, что молодые девушки, вроде вас, так легко расстаются с беременностью! И совесть, и душа подсказывают мне быть активной, не сидеть, сложа руки, а бороться за права всех не рожденных детей. Я — председатель общества прав зародышей провинций Британская Колумбия и Альберта и горжусь нашим делом! — громкоговорителем ответила дама.

— Хорошо, спасибо за информацию. Я пойду, — сказала я и поспешила оставить собеседницу. Но не тут-то было!

— А вы кому переводить будете? — почти закричала она мне вслед.

— Это никого не касается, переводческое агентство гарантирует полную конфиденциальность услуг, — ответила я, слегка повернув голову. Лохматая и растрепанная защитница прав начинала меня раздражать.

— Вы что, тоже верите в право женщины решать, когда ей оставлять беременность, а когда прерывать? — вдруг завопила она.

— Каждая женщина знает, когда ей рожать... — тихо сказала я, как будто ответив сама себе, и направилась к порогу клиники.

— Никто ничего не знает, детка! — донеслись слова, брошенные мне в спину. — Господь и Природа дают всем жизнь, и не нам решать! Умные все стали, книжек начитались, интернета насмотрелись...

«Вот прицепилась, — подумала я, — никак не отстанет...»

— А я вооружена и, наверное, опасна. Я все равно буду защищать жизнь! — прокричала мне вдогонку Кэрон и вдруг расхохоталась.

Я непроизвольно оглянулась и увидела, что из руки защитницы зародышей нашей провинции на меня уставилось квадратное дуло черного оружия. Вдоль ее вытянутой руки сползали какие-то провода, а прямо на меня уставились два красных глаза тейзера.

— Эй, осторожнее, тетя! Опусти дуло! — закричала я почему-то по-русски.

Ничуть не удивившись моему крику, Кэрон опустила тейзер и начала сматывать провода, одновременно засовывая их в широкий накладной карман платья.

«Так она не совсем в себе!» — решила я, продолжив путь к зданию клиники через дорожку парка.

В девять часов сорок пять минут утра дверь в клинике открылась по первому же звонку. Миловидная женщина в розовых брюках и серой кофточке провела меня в небольшую приемную комнату, в которой помещался толстобокый старенький диван, два кресла и столик с книгами.

«Дети Капитана Гранта», — прочла я название одной из книг.

Не успела я присесть на диван, как передо мной выросла еще одна работница клиники.

— Хэлоу, меня зовут Каролина. Вы наш переводчик? Я медсестра и работаю в этой клинике уже десять лет. Когда-то, десять лет тому назад, я приехала в Ванкувер из Польши, — сказала Каролина, стараясь быть вежливой. — Татьяна, сегодня вы переводите для Натальи, молодой девушки из России. Она совсем недавно в Канаде и английский у нее не такой хороший, чтобы понять все детали операции, которые мы будем с ней обсуждать. Спасибо, что пришли, — почти официально добавила Каролина.

— Спасибо вам, что заказали переводчика, — стараясь не забыть о законах ведения вежливой беседы с заказчиками, ответила я.

— Прошу вас точно переводить все, что скажет доктор. Нам сюда, — Каролина указала на дверь.

Еще не переступив порога комнаты, я увидела худенькую блондинку.

Ее напряженное тело было почти вдавлено в круглые пуфы старой кушетки. Руками девушка нервно держалась за красную подушку, уютный домашний атрибут, легкомысленно занесенный в это казенное помещение. Мягкая ткань подушки фалдами обрамляла руки и подчеркивала их худобу.

Короткая зеленоватая кофточка едва прикрывала плоский живот девушки, а ноги скрывались в широких, не по сезону плотных серых брюках, доходивших ей только до щиколоток.

Я заметила, что в процедурной места было еще меньше, чем в приемной. Комната совсем не напоминала операционную. Она скорее была похожа на обычную спальню, из которой только что удалились хозяева, поспешно расставив у изголовья кровати медицинские штативы, капельницы и металлические столики с подносами.

На тумбочке перед девушкой стоял почти пустой стакан с водой.

— Доброе утро, Наталья, меня зовут Татьяна, и я буду вам переводить, — представилась я и поспешила войти. Чтобы не торчать посредине, присела на обычный канцелярский стул, стоявший у стены.

— Здравствуйте, — спокойным голосом ответила девушка.

На меня уставились пустые бездонно-серые потухшие глаза.

Каролина принесла документы и начала зачитывать историю болезни, а в нашем случае, личные данные пациентки:

— Наталья Полякова, двадцать восемь лет, проживает в Ванкувере, на Хэйзел-стрит, 16, обратилась в клинику прерывания беременности. Установлена беременность сроком в шесть недель... Наталья ознакомилась с документами, которые мы ей выдали, — сказала Каролина и тут же переспросила: — Вы ознакомились?

Я переводила быстро.

Наталья ответила:

— Да.

— Анализ крови подтвердил беременность сроком в шесть недель, — продолжала Каролина, лишь искоса взглянув на Наталью. — Сегодня утром вы прошли первичную гинекологическую консультацию и собеседование с доктором. Подтверждаете? — спросила Каролина.

— Подтверждаю, — ответила пациентка.

— Вы также подтвердили, что решили прервать беременность в нашей клинике методом вакуумной аспирации и под местной анестезией. Подтверждаете?

— Подтверждаю, — кивая, сказала Наталья.

— Аспирация плодного яйца будет проходить около шести минут. После этой процедуры вам предложат задержаться в клинике на три часа. Вы полежите, поспите и к пяти часам вечера сможете пойти домой, — закончила Марта.

Я заметила, как при слове «домой» лицо Натальи передернулось. Держалась девушка совершенно спокойно и можно было даже подумать, что она специально старается отстраниться от ситуации и как можно меньше вникать в подробности предстоящей ей процедуры.

«Наверное, ей так легче», — подумала я и продолжала переводить.

Вскоре открылась дверь и зашла доктор-гинеколог в голубом операционном халате.

— Доброе утро, меня зовут Нелли Хей.

Доктор начала говорить что-то о побочных явлениях и о медикаментах, я переводила машинально и наблюдала за Натальей.

Девушка очень нервничала и, казалось, вот-вот разревется. Ее лицо посерело от страха, пальцы собрались вместе, сжатые кулачки произвольно дрожали, а на лбу выступила испарина. В какой-то момент она подалась вперед и согнулась. Я не сразу поняла, что происходит, а Каролина уже подставляла под подбородок Наташи пластиковую емкость. После первых спазмов тело девушки выпрямилось и вдруг снова изогнулось в ритме конвульсий. Рвота и тошнота выходили наружу вместе с ее обреченностью и безнадегой.

Наташа вытерла рот салфеткой.

Доктор попросила ее откинуться на кушетку и подала воды, одной рукой придерживая голову пациентки. По-видимому, девушке стало легче, она успокоилась и замерла, уставившись в стену, так и не заплакав.

Каролина и доктор вышли из комнаты, а я продолжала сидеть рядом с ней, как бесполезная сиделка, которая может поправить одеяло, но так ничем и не облегчит участи больной.

Вдруг Наташа резко выпрямилась и почти прокричала в мою сторону:

— Я не могу иметь этого ребенка, и у меня нет тут дома!

— Конечно, Наташа, каждая женщина может сама решить, когда ей рожать и где, — почти официально сказала я. — Прошу тебя, успо-

койся и не переживай! Врач опытный, все пройдет хорошо. — Я постаралась перейти на более личный и дружеский тон общения.

— Я не боюсь операции, Таня, — быстро ответила Наташа. — Для меня это избавление. Я не хочу жить с этим человеком, он украл у меня веру в людей. В России у меня был дом и мама. Он заманил меня к себе, я влюбилась, а когда уже осталась в Ванкувере, он продал меня, — сказала она и вдруг сразу же расплакалась навзрыд.

Казалось, что ей необходимо было признаться кому-нибудь во всех грехах сразу, но заслонка страха, как перегородка, держала эти откровения внутри.

Наташа задержала на мне тяжелый взгляд одиночества.

— Пожалуйста, не переживай так сильно, ты вернешься к мужу, и вы помиритесь. — Я старалась успокоить ее.

— Он мне не муж, — быстро сказала Наташа и подняла штанину брюк выше колен. — Я наконец-то выкрала у него мой паспорт! — с каким-то диким восторгом призналась она. — Долго искала мой паспорт, долго-долго... и наконец нашла! Он держал его в морозилке, во льду. Представляешь? Паспорт теперь у меня! — Она хлопнула себя по ноге чуть выше колена.

Пошарив рукой под загнувшейся штаниной, Наташа выудила из-под брюк красный паспорт гражданки Российской Федерации. В этот момент зашла Каролина. Она принесла больничные одежды и попросила Наташу переодеться.

Уходя вслед за Каролиной, девушка вдруг посмотрела на меня испытывающим взглядом, как будто решала, доверять мне или нет, затем вдруг резко протянула руку и бросила мне на колени свой паспорт.

Я машинально накрыла его ладонями и сразу же пожалела об этом.

«Кто эта девушка? Зачем я лезу в эту историю? На кой мне эти проблемы?» — пронеслось в голове.

Не успев ни о чем подумать, я поплелась вслед за ними, все еще придерживая рукой оттопыренный карман, в котором гирей повис Наташин паспорт.

В операционной возле Наташи находились опутанная трубочками капельниц Каролина и строгая доктор Хей.

— Татьяна, я прошу вас перевести и зачитать вслух пункты соглашения, — нарочито мягко сказала доктор.

Я зачитала документ спокойно, с интонацией. Наташа как будто слушала, но в тоже время, как будто уплыла за горизонт и покинула нас. Моя тревога тоже утонула где-то внутри и лишь слегка трепыхалась между ребрами, как пластиковый плакат, зависший на красном японском клене у входа в клинику.

В голове проносились вопросы: кто эта девушка и что происходит?

После подписания соглашения переводить было нечего.

Меня быстро выпроводили из операционной и попросили подождать.

Сначала я теребила в руках только что доставшийся мне паспорт Наташи Поляковой, гражданки России, 1990 года рождения, потом пила чай из странной чашки с рекламой высокоскоростных гонок автомобилей класса GT, машинально проверяла поступавшие на телефон сообщения, но вдруг вышла Каролина.

— За Наташей придет ее бойфренд, — известила она. — Он уже звонил.

Я поспешно закивала и запихнула паспорт в широкую сумку. Он сразу же утонул где-то на дне, затащив в ее глубину историю моей новой знакомой.

«Мало ли что произойдет, — думала я. — Она так страдает!»

Операция закончилась благополучно. В комнату вошла невозмутимая доктор Хей и объявила мне, что я должна буду побыть в приемной еще с полчаса и затем мою миссию будут считать законченной.

На зеленых обоях комнаты тикали часы с неподвижным мятником. Их поддельное золото почернело по углам и резало глаз фальшивой желтизной.

«Что будет с Наташей? Как передать ей паспорт, если вдруг она не проснется до моего ухода? Кто придет ее забирать, и чем закончится эта история?» — вопросы прыгали у меня в голове, как маленькие матрешки из большой.

Подумалось, что матрешка, разукрашенная узорами мастера, яркая и лоснящаяся от взглядов поклонников, проживает разноцветной деревянной жизнью, без вопросов и планов на будущее. Матрешке все равно, сколько маленьких, пестрых девочек выскользнет из ее широких гладких глубин, а женщинам приходится постоянно решать: когда рожать, от кого и сколько.

«Много ты знаешь женщин, у которых есть выбор и кто делает то, что хочет? В основном, все идет само собой и течет по течению, ведь инстинкт материнства никто не отменял», — подумалось само собой.

Полчаса пронеслись как мгновение.

В комнату зашла Каролина.

— Татьяна, вы можете идти, спасибо вам за перевод, — сказала она, выходя из комнаты и поправляя коротко стриженные волосы.

— Хорошо, всего доброго, я пойду, — ответила я и, подхватив сумку с пола, зашагала к выходу.

В этот момент дверь в операционную приоткрылась. Из-за нее, как холод сквозняка, перевалив через порог, влетела тень, одетая в серый безразмерный халат и, сразу же под светом лампы превратилась в ссутулившуюся бледную Наташу.

Миловидное лицо девушки потеряло все жизненные краски, на нем расплылись блюдца глаз, а в блюдцах, как недопитый чай, растворились осколки боли.

Мгновенно остановившись посреди комнаты и так и не успев последовать за медсестрой, я тут же пожалела, что вовремя не скрылась в коридоре благополучия и не забыла о существовании моего переводческого задания по имени Наташа.

— Таня, прощу тебя, не уходи! — взмолилась тень.

Хрипловатый сухой голос повис надо мной, как дамочков меч. В нем было так много мольбы и неприкаянности, что на него невозможно было не обернуться.

— Наташа, почему ты вышла? Тебе сказали полежать еще часок.

— Я не могу лежать, Таня, за мной сейчас зайвится Майкл.

— Ну, хорошо, он тебя заберет. А Майкл это кто? Твой муж? — спросила я, выуживая из сумки ее документ. — На вот, возьми, — сказала и сунула ей в руку паспорт.

— Нет у меня мужа, Таня. Майкл — настоящая сволочь, он сутенер! Я в Ванкувере никого кроме него не знаю. Он закрыл меня в доме и продавал своим богатым друзьям.

— Как продавал? Что ты говоришь?

— Я тебе все расскажу. Мне надо было давно бежать, но у меня не было паспорта, понимаешь? — Она старалась говорить быстро, перебывала саму себя.

Ее слова превратились в ритмичные вздохи, руки прилипли к глазам, а между пальцев потекли слезы. Наташа заплакала навзрыд.

От ее беспрерывной речи у меня похолодели ладони, однако опомниться Наташа мне так и не дала.

— Прощу тебя, вывези меня отсюда, Танечка! Ты на машине?

— Да, я на машине, — машинально ответила я, — но у меня работа, понимаешь? — Я строго посмотрела ей в глаза. — Весь день расписан!

— Забери меня, пожалуйста, забери! — молила она. — Я должна выбраться из этой грязи, иначе я пропаду. Я уже зашла слишком далеко, дошла до аборта... — сказала она, а слезы продолжали течь по ее белым щекам и шее.

— Так, значит, твоя беременность... — попробовала спросить я.

— Да я не знаю, чей это был ребенок! Я не могу рожать, — почти закричала она. — Мне надо убежать, свалить подальше. Я не проститутка и не могу так жить, понимаешь! Помоги мне! — почти закричала она.

— Конечно, помогу, девочка моя!.. — вырвалось у меня само собой.

В эту минуту я совершенно отчетливо услышала вопль моего внутреннего голоса. Еще надеясь остановить меня, голос давал четкие указания не ввязываться в непонятную историю и поскорее уходить. Ноги слышали наставления и были готовы уйти, а руки почему-то сами тянулись к мокрым ладошкам Наташи, прикладывали их к моей груди, гладили ее волосы и обнимали сжавшиеся плечи этой почти незнакомой мне девушки.

— Не бойся, я помогу тебе, пошли! — уверенно сказала вслух и, почти потянув, потащила Наташу за собой.

Казалось, что мы обе забыли обо всем. Наташа так и проследовала за мной, босиком, в сером халате, надетом поверх больничной рубахи, закрученной сзади на пояс. На хлопковых одеждах пестрели штемпели какой-то больницы, бывшего владельца этого грустного одеяния.

Перед выходом в приемную я остановилась, а затем, не раздумывая, повернула и пошла в противоположную сторону коридора. Я шла на оранжевый глаз таблички «Запасной выход».

Позади меня, шурша длинной рубахой, спешила Наташа.

Тяжелая дверь запасного выхода громыхнула и поддалась. Впереди сверкал разноцветный, украшенный солнцем и пропахший морским воздухом ванкуверский день.

Откуда-то сверху доносились мелодии птичьих трелей и велосипедных звонков. Жизнь продолжалась бабьим летом, опутывая го-

род сплетениями сонных паутин. Разбросанные порывами ветра и скомканные солнечными лучами золоченые куски паутины налетели на нас откуда-то сверху. Слегка приподнимаясь и снова опускаясь на плечи, они кружили вокруг меня и Наташи.

Повернувшись к ней лицом, я надевала солнцезащитные очки, продолжая шарить в омуте бездонной сумки, искала ключи от машины.

Наташа что-то сказала, но в этот момент ее голос смешался со скрипом и свистом тормозов.

Еще мгновение, и я заметила летящую на полной скорости черную машину.

— Таня, берегись! — завопила не своим голосом Наташа.

Я обернулась. Машина неслась прямо на нас, но вдруг подскочила и ударилась в стеклянный щит рекламной вывески, стоявший у дороги. Стекло не выдержало удара, рассыпалось и плюнуло в нас дождем из мелкой крошки. Стеклянная пыль осела сама собой, а более крупные куски пронзили Наташины ноги.

Девушка сначала вскрикнула, затем нагнулась, машинально схватившись за многочисленные ранки руками. Из-под ее пальцев, вниз по изрезанным голеням потекли красные ручейки крови.

В следующее мгновение Наташа окаменела и встала, как вкопанная, а я, наоборот, почему-то сразу же побежала к своей машине. В руке у меня торчал ключ, а на голове болтались разбитые солнцезащитные очки.

Дернув ручку автомобиля, я замерла на сиденье и уперлась в педаль газа, нажав на нее всей стопой. «Фольксваген» проснулся, рванул, как конек Горбунок, и за секунду вырос перед Наташей.

Все еще сжимая холодный руль одной рукой, я растянулась на сиденье всем телом, дернув за ручку, пыталась открыть пассажирскую дверь.

Вдруг возле Наташи выросла спина громадного детины, одетого в кожаную серую куртку, промелькнула трехдневная щетина и кулак, который должен был вот-вот упасть на тонкий нос моей новой знакомой.

— Наташа, сюда! — только и успела прокричать я, стараясь еще больше растянуться на переднем сиденье.

Успев зацепить свободной рукой больничную рубаху Наташи, я с какой-то неистовой силой потянула ее тонкое тело на себя. Ната-

ша развернулась, как юла, «Фольксваген» снова задрожал, педаль газа поддалась, и девушка резко влетела в машину, приземляясь рядом со мной.

В спине у меня что-то хрустнуло, Наташа хлопнула дверью, а кулак щетинистого нападавшего повис в воздухе среди разлетающихся во все стороны, светящихся на солнце паутин.

— Ты от меня не уйдешь! — закричал нам вслед небритый на чистом английском языке, но тут же подпрыгнул и упал на траву. Над ним кружили падающие с дерева листья.

«Фольксваген» зашуршал шинами. Мы оглянулись. Над телом детины победительно возвышалась защитница пластиковых зародышей. В руках у нее поблескивал все тот же черный тейзер.

— Давай, давай, поезжай, не останавливайся! Девчонки, вперед! — победоносно закричала она нам вслед.

Машина понеслась по гравию, свернула на главную улицу и полетела вперед по Виктория-драйв. Где-то сбоку, обличительно краснея, почти согнувшись над дорогой, завис кирпич знака ограничения скорости.

— Прости меня, Танечка, прости! — запричитала сидящая рядом Наташа.

— Возьми салфетки в бардачке, — на удивление спокойно сказала я.

Наташа достала салфетки и приложила их к мелким порезам на ногах. Бумага сразу же прилипла к коже и струйки крови уже не бежали вниз, к ее оголенным пальцам, а превратились в маленькие озера расплывшихся красных чернил.

— Кто этот жлоб? — выравнивая дыхание, спросила я.

— Это он, Майкл, — ответила Наташа и снова заплакала.

— Да успокойся ты, уже все прошло, главное — паспорт твой у нас, не реви! — только и могла сказать ей я в утешение, стараясь снизить скорость и влиться в ряд машин, терпеливо тянувшихся в левой полосе.

Мерно перебирая шинами, «Фольксваген» понесся на восток большого Ванкувера, продвигаясь в сторону Бернаби, с прицелом на Нью-Вестминстер, бывшую столицу провинции Британская Колумбия.

Города, как и любовники, иногда получают статус бывших. Мне кажется, что Британская Колумбия решила шагнуть в будущее без усталых и затертых окрестностей Нью-Веста, совсем не подумав и не

проникшись настоящими чувствами к этому близкому, потертому предместью Ванкувера.

Нисколько не горюя по прошлому и променяв реку на океан, столица и заседания провинциального парламента перенеслись из пыльного Нью-Вестминстера в продуваемый ветрами и расположенный на острове город Виктория. Они переехали подальше от суеты и толкотни, как будто успокаивая нервы политикам.

Однако, как бывший столичный фронт, город Нью-Вест даже не собиравшись горевать и печалиться по поводу бестолкового столичного статуса. Как будто снова расправив крылья, Нью-Вест планомерно застраивался, украсил главные улицы современными зданиями, расширил порт и развесил ожерелье новых железных дорог над эстакадами мостов. Казалось, город снова ожидал дорогих гостей и знаменательных перемен.

Я вспомнила разграфленную страничку еженедельника, и мое следующее задание: перевод на судебном разбирательстве был назначен на час дня. Наташа вроде успокоилась и больше не плакала. Она уставилась в окно и как будто считала кварталы, отдалявшие ее от места утренних бед.

— Нам надо что-нибудь перекусить. Как ты себя чувствуешь, Наташа? — спросила я, все еще сопротивляясь внезапному чувству голода и уверенно меняя дорожную полосу.

Она молчала.

Машина двигалась еще медленнее, а я старалась разглядеть магазинчики по обеим сторонам Бродвея. Окрас фешенебельного дорогого западного Бродвея сменился на экономный демократический расклад восточного.

Не заметив ничего интересного с моей стороны дороги, я притормозила возле кафе с теплой надписью «Горячие бутерброды».

Наташе надо было переодеться. Припарковавшись на обочине и открыв багажник машины, я предложила девушке осмотреть его содержимое.

Не считая себя исключением из правил, я знала, что в моем багажнике хранится намного больше ненужных вещей, чем в сумке.

Тщательно осмотрев забытые в багажнике вещи, Наташа извлекла на свет допотопные джинсы, короткую футболку и старенькие кроссовки, которые я возила с собой в ожидании спортивного вдохновения, прилива которого так терпеливо жаждет каждая женщина.

Наташа переделалась прямо в машине. Поверх моих одежд, болтавшихся на ней, как на вешалке, она накинула свой серый больничный халат. Стараясь прибодриться, девушка медленно улыбнулась слегка порозовевшими губами.

Эта улыбка получилась совсем незаметной и даже мимолетной, простенькой, как полевые цветы, но мне почему-то сразу захотелось обнять и прижать Наташу к груди. Она убежала вперед.

Моя новая подруга спешила, двигалась, как в тумане, толком не разобрав, открыла двери соседнего магазина.

«Люби все английское», — только и успела прочесть я.

Невесомая скрипящая дверь легко закрылась позади, и мне не пришлось придерживать ее на ходу. За прилавком стоял усатый продавец. Он был одет в старомодный длинный зеленый пуловер и модную клетчатую кепи.

Наташа, видимо, сильно проголодалась, а, может, переживала и нервничала. Она наполнила пластиковую корзину доверху, особо разбирая и запихивая в нее все подряд: сушеные колбаски, английское печенье и шотландские конфеты-помадки.

Продавец таранился на меня, как будто подгоняя последовать ее примеру и поскорее заняться покупками. Я не спешила и рассматривала его лицо. Может быть, мне показалось, но я почему-то была уверена, что уже когда-то заходила в этот магазинчик.

Теплое ощущение приближающейся волны дежавю смешалось с еще более уютным чувством мгновения жизни.

— Не сомневайтесь, лав! — сказал продавец, громким голосом возвращая меня в реальность бытия. — Все продукты на полках моего магазина сделаны и привезены из Англии.

Он улыбнулся.

— Я не сомневаюсь, — сказала я, заметив нарисованную на стене желтую канарейку.

Рядом с нехитрой настенной живописью, на шкафчике, стоял двухэтажный игрушечный «дабл декер», красный английский автобус. В лобовое стекло его округлой мордочки были вмонтированы часы. В ту же секунду обе стрелки циферблата подошли к цифре двенадцать. Автобус моментально засверкал фарами, как будто проснулся. Его устойчивое продолговатое тельце задрожало, а из динамиков, встроенных в фары, полилась мелодия английского гимна «Боже, храни Королеву!»

— Двенадцать часов дня, — констатировал факт продавец. — Автобус в это время играет гимн, — подтвердил он и с удовольствием посмотрел на Наташу.

Мне почему-то показалось, что продавец начнет подпевать мелодии автобуса, но он спокойно передал нам пакеты с продуктами и пожелал приятного дня.

Едва покинув границы этой бутафорской Англии, мы принялись уплетать печенье прямо на ходу. Усаживаясь на переднее сиденье автомобиля, Наташа открыла баночки с английским йогуртом, достала пластиковые ложки.

Машина понеслась на мое второе задание дня. Мы проскочили восточный Ванкувер, Бернаби и оказались в центральном Нью-Весте, возле бетонного здания провинциального суда.

Всю дорогу Наташа молчала, и я давала ей время отдохнуть, решив обсудить ситуацию позже.

Я вдруг вспомнила, что ранее никогда не бывала в залах судебных разбирательств Нью-Веста. Центральный суд города располагался на улице Карнарвон, название которой, если верить брошюрам, веером торчащим возле входа, было заимствовано с уэльского.

— Зачем они тратят деньги и печатают эти ерундовые брошюры? — вырвалось у Наташи.

— Наверное, для туристов, — ответила я, защищая Канаду.

— Я подожду тебя где-нибудь во двореике, — сказала она и усмехнулась.

Миловидного вида клерк проводила меня в зал, представив распорядителю судебных дел. Старенький седовласый распорядитель выглядел уставшим. Разговаривая со мной, он то и дело гладил живот под черными фалдами мантии, наверное, решив помочь полуденному пищеварению. Глаза его устремились в разграфленный журнал посетителей, напоминавший мой еженедельник.

— Вы будете переводить с казахского? — спросил меня клерк.

— Нет, я не знаю казахского.

— А почему вас прислали сюда? — удивленно спросил он. — Я что-то не пойму, — сказал, заглядывая в бумаги. — Ваш заявитель — истец из Казахстана, моя дорогая, так что вы пришли совершенно зря, — ухмыляясь, сказал он.

— Дело в том, что у переводческого агентства запросили переводчика с русского языка, видимо, переводчика с казахского не нашли.

— А, вот в чем дело! — снова успокаивая себя поглаживаниями живота, продолжил распорядитель. — Я не знал, что казахи тоже говорят по-русски. Вы найдите его поскорее, познакомьтесь с ним и приходите минут через пятнадцать.

— А где мне найти, этого... истца? — спросила я.

— Я его только что видел. Ему сегодня предстоит сделать заявление, и это не долго, всего каких-то пятнадцать минут. Я уже ответил на все его вопросы. Не знаю, правильно ли он меня понял. Во всяком случае, он слушал и кивал в ответ, — сказал распорядитель. — Я сразу постарался ему разъяснить, что дело у него запутанное и пройдет год или два, пока что-то сдвинется с места. Надо собирать доказательства и показания свидетелей... он вроде бы понял. Пойдите, поищите его. Мужчину зовут Асмет Ашимов, такой невысокий, в желтой рубашке. Минут пять назад он сидел в общем зале, — закончил распорядитель со мной и начал отвечать другим посетителям, жаждущим справедливости.

Стараясь разглядеть желтую рубашку, я осматривала зал, разглядывала спины и лица, многочисленные кресла и столики, вокруг которых, как воробьи вокруг кормушек, кружили люди.

В широком зале, напоминающем не то вокзал, не то пристань морского порта, где ни на миг не прекращались движение и суета, было прохладно. Свет струился вниз с небес через стеклянный потолок. Отвесные стены уходили ввысь посеребристыми бетонными сводами.

Желторубашечного мужчины не было нигде. Вокруг ходили женщины в деловых блузах и мужчины, запеленутые в узкие чехлы разношерстных костюмов. Я поняла, что так просто в улье Фемиды мне явно не найти Асмета, и вышла во двор.

На улице по-прежнему светило солнце. За небольшой площадью возле здания суда находился ступенчатый фонтан, по бокам засаженный кустами жасмина.

Нежно-зеленые гроздья кустов обрамляли почерневшую от воды террасу, по которой, плюхаясь гладью со ступеньки на ступеньку, струился вниз водопад.

Я оказалась у самого истока фонтана, наблюдала за произвольными выбросами воды, которая сначала бежала, фырча, а затем постепенно превращалась в ребристую водную гладь.

Всего в каких-то сорока ступеньках от меня, внизу этого водного волнения, в тени кустов располагались лавочки. На одной из них я увидела спину Наташи в больничном халате.

Девушка сидела у плавно сбегавшего водопада, ела печенье и смотрела куда-то вдаль. Грозди жасмина обрамляли Наташу, изда-лека она казалась спокойной и расслабленной.

Вдруг рядом с Наташей мелькнула спина темноволосого мужчины в желтой рубашке. Он повернулся ко мне, однако сверху было почти невозможно рассмотреть его лицо. Приглядевшись, я увидела, что мужчина вздрагивал и плакал. Его плечи тряслись, а руки, как плети, безвольно болтались вдоль туловища. Минутой позже он начал шагать куда глаза глядят, отрешенно смотрел вдаль, наклонив голову, как будто не веря в происходящее.

— Асмет, это вы? — перекрикивая шум падавшей воды, громко окликнула его я.

Брызги воды заглушили мой голос.

Одетый в желтую рубашку мужчина почему-то вздрогнул всем телом и, перешагнув через бордюр, прыгнул в струившийся водопад. Оказавшись в холодной воде, серьезный на вид незнакомец сначала присел, потом вскочил, а затем, как будто обмякнув от тяжести и сопротивления течения, снова уселся в воду.

Не медля больше ни секунды, я подбежала к Асмету и потянула его за рукав. Со всех сторон улицы к нам уже бежали случайные прохожие. Они что-то кричали и предлагали помощь.

— Но-но-но, я ду нот нид вашей хелп, — сопел недовольный Асмет, выбираясь из цементной раковины фонтана.

Он явно не имел желаний ни с кем общаться, а тем более объяснять причины своего поведения.

— Асмет, я — Татьяна, ваш переводчик. Мы с вами должны предстать перед судьей и выслушать адвоката, который сделает заявление с вашей стороны.

— Мое слушание отменили, и у меня нет никакой надежды добиться справедливости в этой стране! — забулькал мужчина, свирепо глянув мне прямо в глаза.

Он пытался вытереть слезы, смешавшиеся с каплями фонтана.

— Я терпеливо ждал и надеялся на Канаду. Я думал, мое заявление примут и справедливость восторжествует! Зачем мне перевод-

чик?! — закричал он. — Мне сегодня сказали, что никаких слушаний не будет! Они просто убили меня наповал!

— Кто вам это сказал?

— Да пять минут тому назад! Я говорил с ними там, у входа! — опять закричал он.

— Асмет, вы, наверное, не поняли! Распорядитель не мог вам отказать. У него нет на это полномочий, — стараясь говорить спокойно, возразила я.

— А что он, по-вашему, мне проговаривал? Он прямо в лицо мне сказал: Но хиаринг тудей! Вы что, мне не верите? Я сам это слышал. Тоже мне, советчица нашлась! — уже совсем воинственно сказал Асмет.

— Да нет же, вы неверно его поняли, — стараясь выдерживать паузы, мягко ответила я. — Он всего-навсего сказал, что сегодня у вас только заявление, и вам надо предстать перед судьей. Само слушание состоится не сегодня. Для слушания необходимо подготовиться. Нам нужно идти, — пыталась командовать я. — Вы сможете сегодня предстать перед судьей? Вы же совсем мокрый, — я констатировала факт, который был очевиден.

— Конечно, сегодня! Я готов и давно уже жду, Татьяна! — переменявшись в лице, уверенно закричал он.

Асмет воспрял и задышал порывисто, приподняв плечи, как будто заглатывая воздух надежды. Капли и струи воды потекли с его одежды на землю еще быстрее. Мужчина снял туфли и вылил из них воду, попытался быстро стащить с себя рубашку. Я начала помогать ему выкручивать ее. Сверху и снизу ступенек на нас уставились взгляды прохожих.

Со стороны мы, наверное, выглядели совершенно нелепо: небольшого роста ссутулившийся полуобнаженный мужчина, пытающийся каким-то образом выжать воду из своих одежд и долговязая девушка, выступающая в роли помощницы процесса отжимания.

— Моя мечта — это, наконец, воссоединиться с родиной моих предков и жить тут, вы понимаете, Татьяна? Как человек может без родины? Я и так прожил полжизни вдалеке, я очень надеюсь, что судья почувствует то, что чувствую я, — пафосно произнес он.

— Конечно, Асмет, надевайте рубашку, — ответила я, совсем не веря в разнообразие палитры чувств у представителей закона.

Уже через пятнадцать минут мы с Асметом предстали перед судьей.

— С вами все в порядке? — глядя из-под узких очков, спросил судья и подозрительно осмотрел промокшие одежды Асмета.

Я стояла справа, а адвокат Асмета занял позицию слева от него. Адвокат, похожий на аптекаря, читал заявление, как историю болезни. Судья слушал все без особого удивления. Казалось, никакое дело из жизни простых смертных не могло разбередить его юридическое спокойствия и личной апатии к земным делам. Он гордо восседал где-то высоко над нами. Там, в небесах, намного выше здания суда, где-то в безмятежных пространствах и измерениях Фемиды и должно было решиться дело обычного гражданина Казахстана, уже давно мечтающего воссоединиться с родиной и стать канадцем.

Асмет тоже смотрел вверх, как будто пытаюсь проследить за взглядом судьи. Я глянула вниз. С брюк Асмета, на паркет зала судебных разбирательств стекали тонкие капли воды.

— Конечно, в порядке! — перевела я ответ.

Асмет как будто даже удивился вопросу, а может, от волнения и напряжения забыл о мокрых одеждах. Я отжимала манжеты своей блузы и слушала историю Асмета.

Родился мужчина в Алма-Ате в 1980 году. Адвокат старательно произносил название неизвестного ему города. Родители Асмета до рождения ребенка приехали в Ванкувер по работе. До приезда в Ванкувер они были бездетны, лечились от бесплодия в Казахстане и решили воспользоваться донорским осеменением в Канаде. Хорошая идея дала свой плодотворный результат, и родителям удалось совместить приятное с полезным: немного поработать в Канаде и, наконец, завести долгожданного ребенка. Во время кратковременного пребывания в Канаде родители Асмета посетили канадский банк спермы, получили и использовали очередную драгоценную порцию для оплодотворения, и зачали Асмета от канадского донора. Эту короткую историю чудесного зачатия описывал соответствующий документ, своевременно переведенный на английский, русский и казахский языки и заверенный печатями посольств нескольких государств.

Асмет родился и жил в Казахстане. Он вырос и выучился, поработал, собрал деньги и приехал в Канаду осуществить свою мечту и, наконец, воссоединиться с родиной своих предков. После произне-

сения слова «родина» адвокат потер загоревшим кулаком правую щеку, а Асмет заулыбался, тем самым выдавая себя, ведь адвокат произносил всю историю на чистейшем английском.

Я поняла, что Асмету не столько нужен был мой перевод, сколько обычная поддержка, братское плечо и деловое участие в истории его воссоединения с Канадой.

Адвокат закончил, судья недовольно крикнул что-то в сторону. В зале не было ни души, кроме блеклой женской фигуры, видневшейся где-то на дальних скамейках зала. Приглядевшись, я поняла, что это Наташа. Издалека она была снова похожа на тень.

Асмет с интересом выслушивал мой перевод, а я рассматривала его заостренное ухо, на которое мне приходилось шептать. Воротник мокрой рубахи был слишком высок и, наверное, мешал слушать. С воротника на шею этого незнакомого мне казаха то и дело стекали капли канадской воды.

— Слушание вашего дела назначается на двадцать восьмое, — проснувшись от оцепенения, сказал судья и поспешно захлопнул черную папку. — У вас есть три недели, чтобы подготовиться. Увидимся в октябре!

— Спасибо огромное! Я так и знал, что справедливость восторжествует! — закричал Асмет, уставившись на судью.

Судья остановился, посмотрел на меня.

— Заявитель высказал благодарность, ваша честь, — перевела я и потянула Асмета за фалды рубахи. — Рано радуетесь, Асмет, ваше дело будут слушать через три недели и затем уже объявят решение.

— Милая девочка, — Асмет повернулся ко мне и полез с объятиями. — Я так рад! Ты не представляешь, какая удача! Судья будет слушать мое дело! Там, в Алматы, я и поверить не мог, что кто-нибудь захочет возиться со мной, а тут такая удача... канадский судья... Он все решит! Я верю! Ты увидишь, я совсем скоро буду жить в Канаде!

— Поздравляю, Асмет! — пришлось сказать ему.

— Спасибо, дорогая Татьяна. Надеюсь, мы с вами встретимся, и вы мне поможете доказать мое происхождение и родство с этой великой страной!

— Звоните в агентство, Асмет, я обязательно буду вам переводить, — сказала я и поспешила к Наташе.

Она шла навстречу и протягивала мне пакетик с остатками английского печенья.

— Замори червячка, — сказала она, взглянув на меня из-под густой челки.

Через продолговатые окна в зал городского суда по-прежнему заглядывало солнце. Лучи его тепла сыпались на меня, преломляясь в волосах Наташи. Ее прозрачные руки протягивали мне печенье, как символ иммигрантского единства двух женщин, ветром судьбы занесенных на медленно плывущий корабль жизни дождливого Ванкувера.

— Пойдем, Наташа, — сказала я и тронула ее серый халат.

Мы вместе покинули Асмета с историей его нового рождения и, почти обнявшись, вышли из зала суда.

Если ехать из Нью-Вестминстера на восток, то рано или поздно попадешь в зеленый Коквитлам, а если свернешь с хайвея правее, то окажешься в плоском Порт-Коквитламе, где на автобусах по-философски выводят: «Порт-Коквитлам. Порт без рек и морей».

— Какие странные названия у этих маленьких пригородов Ванкувера, — уже в машине сказала Наташа, уставившись на карту города, раскрытого в моем айпэде.

Было понятно, что она пыталась найти Порт-Коквитлам, но смотрела в противоположную сторону. Уцепившись покрепче за руль, я ткнула пальцем в экран, показала ей место последнего назначения и завершающего задания рабочего дня.

— Почему же Порт, если на карте нет никаких морей, а только небольшая речушка? — спросила меня Наташа.

— Наверное, не все в жизни можно объяснить, Наташа. Вот Асмет всю жизнь прожил в Казахстане, а хочет быть канадцем. Или возьми меня. Я, замужняя женщина, живу в Канаде уже несколько лет, с хорошей работой и с добрым, работающим мужем, но почему-то не верю в наше будущее и не рискую завести детей... — вдруг вырвалось у меня.

— Ты не хочешь рожать от любимого человека? — совсем тихо спросила Наташа и подняла на меня тяжелый взгляд.

— Ой, что-то мы не о том заговорили, — встрепелась я.

— Что ты, Таня, я совсем не хочу теребить тебя и наступать на больные темы, если ты не хочешь об этом говорить....

Молчание продолжалось недолго. Его нарушили слезы и частые всхлипывания, а затем уже и настоящие рыдания Наташи, еще со-

всем не знакомой мне утром и такой близкой теперь. Мы ответственны за тех, кого приручаем, и теперь я взяла ответственность за ее слезы, а, значит, и за нее.

— Наташа, перестань, не расстраивайся, не переживай! У тебя очень трудный день, но, поверь мне, завтра все будет лучше. Я верю, что твоя черная полоса закончилась именно сегодня. Ты отдохнешь, выспишься, побудешь у меня, — продолжала успокаивать я, до сих пор не веря в происходящее. — У меня есть комната для гостей, и ты спокойно поживешь у нас. Мой муж не будет против, не переживай. Хочешь, расскажи мне все, как было, а, хочешь, не рассказывай. Все нормально, прорвемся!

Продолжая успокаивать Наташу, я выезжала на боковые дороги, мечтая убежать от нарастающих заторов, и выбирала окольные пути, старательно избегая встречи с тянучкой хайвея.

— Что рассказывать, Танюша! — почти закричала Наташа. — Все проще пареной репы! — Она растирала слезы на раскрасневшихся щеках, глотала рыдания и, медленно всхлипывая, начала рассказывать о себе. — Я родом из Белгорода. Мы очень долго переписывались с Майклом, познакомились через сайт фанатов Японии.

— Фанаты Японии? Впервые слышу, — сказала я.

— Ну да, это интернетная страница, которая поддерживается посольством Японии в России. Фанаты вместе ездят в Японию, ходят на концерты исполнителей, посещают выставки, обсуждают книги. Это как сообщество, ну, почти, как «Сноб». Ты слышала о нем?

— О «Снобе» я слышала, а о «Фанатах Японии» не доводилось.

— Я постоянно там зависала, очень много информации, все люди образованные. По профессии я, как и ты, — вдруг призналась мне Наташа.

— В каком смысле? — не поняла я.

— Я переводчик, с японского и китайского языков. Когда-то я закончила факультет восточных языков в университете Патриса Лумумбы, а Майкл работал в России, снимал документальный фильм о Москве для японского телевидения. Так мы и познакомились.

— Вот это да, Наташа! А мы с тобой, оказывается, коллеги!

Наташа опять зашмыгала носом.

— Что-то во время нашей короткой встречи я не заметила, что Майкл похож на японца, — возразила я.

— Он японец по паспорту, а родители у него русские. Они постоянно жили в Японии, и Майкл так и не выучил как следует

русский язык, долго жил в Токио и совсем недавно переселился в Ванкувер.

— Все запутано и похоже на историю нашего нового знакомого, Асмета, — пытаюсь перевести разговор на веселый лад, заметила я. — В жизни казах, а в душе уже давно канадец.

Наташа будто и не заметила моей шутки, а может, пыталась побыстрее рассказать о себе. Она продолжала:

— Мы перезванивались целый год, Майкл приглашал меня в Ванкувер, ухаживал за мной так красиво, присылал цветы и посылки мне и моей маме. В Москве я жила вместе с мамой, — пояснила она. — У нас больше никого не было, отец давно умер, и бабушка тоже, — уже почти успокоившись, рассказывала она. — Все отношения с этим человеком, с Майклом, — сказала она, как будто поправив саму себя, — были красивыми и надежными. Он просто покорила меня, и я влюбилась. Уже вскоре, через год знакомства я прилетела к нему в Ванкувер, и буквально через две недели Майкла как подменили.

— Как подменили?

— Он вдруг стал злым и раздражительным, кричал на меня по любому поводу. Позднее сказал, что у него закончились деньги. Работать он не хотел, очень редко уезжал подрабатывать помощником на съемки фильмов, день и ночь глотал какие-то таблетки, долго спал, а потом надолго пропадал. Я оставалась у него в квартире одна, молча ждала, терпела и не требовала ничего, пыталась привыкнуть к новому городу, завести знакомых. Сама знаешь, это непросто — оказаться в незнакомом городе и как-то прижиться тут. Я очень старалась, но вдруг поняла, что Майкл не хотел, чтобы это произошло. Он был против меня и не разрешал мне почти ничего.

— Как это? — спросила я.

За окном мелькали магазины и школа. На переходе появились дети с улыбками и задранными носами. Взявшись за руки, дети уверенно шагали в будущее.

— Он не давал мне выходить из дома, не хотел, чтобы я знакомилась с людьми или как-то устраивалась в новой жизни... Эта перемена произошла так стремительно, и мне было трудно поверить, что я испортила свою жизнь в погоне за чувствами, бросила маму, оставила работу... но это были только цветочки. Затем началась моя подвальная жизнь. Сначала он меня избил. Я как-то сразу застыла, когда это произошло, плакала, просила его опомниться, но

он превратился в жестокого зверя. Я старалась угодить ему, а он стал избивать меня регулярно и поселил в подвале дома. Уже буквально после трех месяцев моей жизни в Ванкувере, когда я совсем сникла и как будто провалилась в ужасный сон, он пришел домой не один, а с тремя мужиками. Они поочередно изнасиловали меня прямо на глазах у Майкла, там же, в комнате, где мы с ним жили, прямо в нашем общем доме. — Наташа вновь заплакала, но как-то тихо, почти неслышно.

У меня больше не было сил вести машину. Слезы сами собой потекли по щекам, капали на руль и на недавно подсохшую блузу. Я остановила машину у обочины, пыталась успокоить Наташу и обняла ее крепко-крепко, как уже давно не обнимала никого.

Наташины волосы, как зрелая трава, рассыпались по плечам. Теперь я орошала их своими слезами.

— Как ты выбралась, девочка моя?

— Никак, не смогла, так и терпела издевательства, терпела все... На меня после этого изнасилования как ступор напал. Я была сама не своя, жила в тюрьме. Майкл закрыл меня и попросту продавал своим знакомым и приятелям. На эти деньги он, видимо, и жил. Два раза в день подсовывал мне миски с едой прямо под дверь и отказывался разговаривать со мной, сколько бы я его ни просила. Когда я отходила от своих посетителей, то снизу слышала, как он говорил по телефону и составлял график посещений, — почти шептала Наташа. — Затем я услышала, как он флиртует по телефону с другими девушками и зазывает их приехать в гости. Мне кажется, он собирался снять несколько квартир и закрыть в них таких же наложниц, как и я.

— Он просто изверг! Урод! — закричала я.

— Да, так я и попала в пасть к зверю, так и жила...

— Теперь ты свободна, Наташа, — глядя прямо в глаза своей новой подруги, сказала я.

— Танечка, это все благодаря тебе! Ты вызволила меня из плена и снова подарила мне жизнь!

— Наташа, я сделаю все, чтобы ты жила спокойно, ты прошла через ад. А Майкла мы сдадим в полицию. Его посадят!

— Полицию, может, и не стоит вовлекать?

— Как это не вовлекать? Ты в своем уме? Его надо судить и засунуть за решетку! — закричала я.

— А вдруг они мне не поверят, начнут вымогать деньги?

— Какие деньги, о чем ты, Наташа? Мы в Канаде!

— Я знаю, но как-то верится с трудом, что кто-то может мне помочь. Я не гражданка Канады, и, наверное, местная полиция не будет с этим возиться. Иногда я думаю, что я предала саму себя. Ведь даже выбраться из ада у меня не хватало сил. Я как будто умерла и осталось только тело.

Теперь дар речи потеряла я. Мне даже в голову не могло прийти, что эта умная и образованная женщина, буквально ожившая на моих глазах, настолько усомнилась в себе. Я почувствовала, как не хватает воздуха и невозможно дышать, вышла из машины. Наташа тоже поспешила выйти, продолжая свой рассказ и приближаясь ко мне все ближе.

— Мне как-то удалось открыть дверь отверткой, я нашла ее в подвале. Там, внизу, было столько хлама. Я жила на какой-то лежанке, в тряпье. Перед приходом посетителей он запикивал меня в ванную и приказывал мыться. Я часто не слушалась его, и тогда он снова избивал меня, старался бить по лицу. Я была вся в синяках, а он смеялся и говорил, что деньги ему платят не за мое прекрасное лицо. Ужас!.. не знаю, как я выжила... — рассказывала Наташа. — Однажды, когда его не было дома, я сломала замок и выбралась наверх, сразу же хотела бежать, но увидела у него на столе открытые конверты и письма моей мамы. Я тут же принялась читать их. Мама молила меня позвонить ей, рассказывала, как она волнуется, что от меня не было вестей. В одном из писем она написала, что заболела и ей поставили диагноз: рак легких. Она снова и снова просила меня ответить ей. На последнем конверте стояла дата трехмесячной давности.

Наташа начала тереть руку чуть выше запястья.

— Ты извини меня, пока ты была в здании суда, я воспользовалась твоим телефоном и позвонила в Москву, — сказала она.

Я вопросительно посмотрела на нее.

— Дома никто не отвечал, я позвонила соседке. Она расплакалась и рассказала, что мама умерла два месяца тому назад. Оказывается, они все искали меня, но не нашли, не дозвонились. Майкл уже давно разбил мой телефон.

Вокруг нас смеялись люди, играли дети, я хотела сделать шаг к Наташе, но не смогла, ноги, как будто, заледенели в оцепенении.

Представить то, что испытала эта худенькая молодая женщина, приехавшая в Канаду и поверившая в любовь, было выше моих сил.

— Ты кому-нибудь рассказала об этом, Наташа? — мягко спросила я.

— Нет, у меня не было возможности. Я никого не знаю в Ванкувере. В первый месяц моего приезда у нас была обычная совместная жизнь, какие-то тупые походы в кино, поверхностное общение. Он все время убегал от серьезных разговоров, был постоянно занят. Сейчас я думаю: почему я вообще приехала к нему, и понимаю, что всего-навсего поверила в тот образ, который мой жених создал по телефону, — продолжая плакать, говорила Наташа. — Мы с ним общались по телефону почти каждый день, и я думала и наивно верила, что знаю этого человека.

По ее бледным щекам текли слезы.

— Пойдем, родная, не плачь, ведь главное уже сделано, ты свободна! — Я снова погладила ее по плечу.

Наташа посмотрела на меня так, что мне опять стало не по себе. В ее спокойном взгляде было все: и боль, и надежда, и какая-то особенная вера в меня. Я подумала, что на меня еще никто в жизни не смотрел с такой уверенностью и теплотой. Она потянулась ко мне, и мы обнялись.

«Как здорово, что мы встретились! — подумала я и тут же вспомнила инструкции нашего директора о необходимости соблюдения дистанции в общении с клиентами. — Что бы он сказал сейчас?»

В этот момент у меня зазвенел карман. Проснулся мобильный. Наташа все также стояла рядом, а в трубке уже гроыхал голос вездесущего директора нашего переводческого агентства. Я так и представила его сидящем на троне, нога на ногу, с ярко-голубыми носками, усеянными черными черепами, в широкой рубаше и с телефонной трубкой в руке, уверенно смотрящим в директорское будущее.

— Але, Татьяна, ну, как ты там? — громко спросил директор. — Как твои задания, все в порядке?

— Все хорошо, — ответила я.

— Я не сомневался, — сказал он.

«Не сомневался, так чего звонишь?» — подумала я.

— Мне тут звонили из дурдома, — продолжил он, как будто услышал меня. — Они говорят, что их пациент, Иван Иванович, сегодня в плохом настроении и немного буянит, держись подальше и будь бдительна, Татьяна.

— Да, хорошо, а что с ним?

— Ты читала задание?

— Нет, не успела еще, с утра был напряг.

— Они прислали сообщение, что это мужчина 92 лет, одинок и жил в доме сеньоров.

— Где жил? — переспросила я.

— Ну, в этом... в доме престарелых. Все было хорошо, ничем не отличался и так далее. На прошлой неделе у него произошел инсульт, однако физических изменений почти никаких, немного немеет рука.

— Хорошо, спасибо, что напомнили.

— Да, самое главное, он стал агрессивным и полностью забыл английский язык.

— Тааак, — не зная, как реагировать на подобный поворот событий, сказала я. — Забыл английский? А сколько лет он живет в Канаде?

— Да они сказали, что он тут давно, со времен последней войны. Забыл язык — это неверно сказано. В медицинской справке написано, что после инсульта у него повредилась часть мозга, отвечающая за речь, языки, эмоции. Отсюда и последствия. А может, он притворяется?

Мне трудно было сказать, возможно, директор решил пошутить.

— Ну, вот они пишут, — продолжил он, — Иван Иванович переселился в Канаду в 1946 году. Да, все верно, ему тогда было около двадцати... Они написали, что он воевал и потерял семью на войне, сам уцелел, жил в Украине и уехал в Канаду. Он что-то рассказывал о колхозах, какие-то воспоминания, не захотел коллективизироваться и т.д. и т.п., — громко пояснял директор. — Дальше пишут диагноз: нарушение речи, афазия, повреждение речевых центров в доминантном полушарии мозга и далее все то же самое, но подробнее. Замучишься читать, — сказал он, растягивая последние слова. — Ты помнишь терминологию? Это все из неврологии, ты сто раз переводила встречи неврологов.

— Да, это были переводы для докторов. Я никогда не переводила человеку, забывшему какой-то язык, — я пыталась попятиться, но директор наседал, как слон.

— Не переживай, голубушка, это еще легче, чем переводить неврологам. Расскажешь ему спокойно, он все по-русски поймет... Да, кстати, он из Западной Украины, извини, мне тут звонят, — сказал директор и положил трубку.

— Пойдем, Наташа, — сказала я вслух.

Подул ветерок, и Наташа побрела за мной, завернутая в плед, который, оказывается, тоже можно было выудить из моей машины.

Старенький «фольксваген» — машина простого народа, как нарекли этого резвого бегунка в Германии — снова рванулся вперед. Слева от дороги промелькнуло обложенное гранитом здание похоронного бюро. В Канаде похоронные бюро не строят на задворках, а больше рядом с основными дорогами, возле пролетающих авто, посреди шума и гама.

— Возле домов скорби, кроме или вместо помпезных клумб, ставят какие-нибудь причудливые часы, — почему-то сказала я Наташе.

— Почему именно часы? — спросила она.

— Наверное, хотят всем напомнить, что жизнь не вечна и недолго нам всем осталось ездить по дорогам, — стараясь пошутить, сказала я, но тут же вспомнила про письма Наташиной мамы и прикусила язык.

Наташа ничего не ответила. Она молчаливо уставилась в окно, наблюдая за пролетавшими фурами, а может, пытаясь разглядеть четкое разделение горизонта на ветки хайвея, уходящие куда-то далеко от основного дерева жизни.

Хайвей номер один течет далеко на восток Канады, постепенно унося из Ванкувера течения машин вместе со звонкими голосами американских туристов, заехавших за покупками и радостно подсчитывающих прибыли от экономии на разнице валют двух стран. При пересечении границы, возвращаясь домой, американские туристы победоносно улыбаются, в уме конвертируя канадские развлечения на американский курс валют.

В кошельках американцев оседают сэкономленные зеленые бумажки, а в сердце теплится мелодия Ванкувера. Как дорожка с заезженной пластинки патефона, она приведет их обратно в Ванкувер вновь и вновь.

Канадцам на дорогах улыбаться некогда. Они спешат поделиться Канадой, спешат догнать весь мир, и время, и быстро растущую стоимость жилья, и странный курс обмена валют, постоянно меняющийся не в их пользу.

Думать снова было некогда. За окном машины замелькали фабрики и индустриальные строения района Бернаби, самого промышленного пригорода Ванкувера. Легкое скольжение по асфальту,

четкая разметка и плавное движение машин почти успокоили меня. Приятное ощущение конца рабочего дня постепенно подкрадывалось и сворачивалось комочком в виде сонной, спокойно дремавшей на заднем сидении Наташи.

Я съехала с хайвея в районе Юнайтед-бульвара. За окном замелькали деревья густого парка, засаженного хвойными и лиственными деревьями. Столетние стволы широченных пихт обрамляли главную аллею больницы. Психиатрическая больница, Ривервью, скрывалась за рядами кленов и за кустами дикорастущего шиповника. Кирпичные постройки корпусов виднелись, разбросанные небольшими группами, по всему парку. Под окнами некоторых строений уже давно поселились разлогие лопухи. Они как будто приподнимались на цыпочки, заглядывали в окна, подсматривая и подслушивая тысячи историй и сотни исповедей.

Казалось, что листья папоротника, растущего на широких клумбах, вместе с солнцем и хлорофиллом впитали сине-зеленую грусть этого старинного пристанища.

Если верить исторической справке, то история больницы началась еще в 1913 году с постройки первого здания и размещения в нем трехсот пациентов мужского пола. Больницу снабжала специальная аграрная ферма, расположенная неподалеку. Вскоре контингент больницы включал женщин и тяжелобольных пациентов, лечащихся от наркозависимости и психических расстройств.

По описаниям очевидцев, за неимением психотропных медикаментов много лет тому назад многих пациентов буквально привязывали к кроватям во время припадков. Мне было страшно представить всю эту гуманную медицину без таблеток и химии сто лет назад.

Сегодня и здания, и парк больницы использовали по прямому и по дополнительному назначению. По прямому: тут так же выдавали таблетки, лечили и контролировали больных, а по дополнительному: территорию больницы облюбовали киношники. Голливудские киностудии снимали в больнице свои шедевры. Киношникам приглянулось все: и виды старых крыш, и широкие поляны, и даже длинные подземные коридоры, вошедшие вместе с героями кино в кадры популярных фильмов и сериалов последнего десятилетия.

Ванкувер и его пригороды прослыли в народе «Северным Голливудом», а дешевый канадский доллар, подслащенный незабываемыми видами природы, стал, тем самым, сладким вареньем, на которое

со всего мира слетались киношники всех мастей. Разношерстные съемочные группы приземлялись в Ванкувере и устраивались поудобнее, а затем постепенно, как будто распробовав лакомство, так и прилипали к городу на долгие годы.

В больнице снимали фильмы ужасов, бесконечный сериал про русскую мафию, многочисленные серии про изощенного непобедимого сыщика и даже короткометражку про взрыв на Чернобыльской АЭС.

Два дня назад я позвонила главной медсестре, чтобы подтвердить предстоящую встречу, а в ответ услышала миллион подробностей о съемках кино и какие-то единичные обрывки информации о пациенте.

Осмотревшись по сторонам, я припарковала машину возле здания западной поляны. Как и полагалось в приличной больнице, пациенты не бегали по ровным английским лужайкам, не сорили и не рвали цветы.

Завернутая в серый халат, Наташа дремала на заднем сиденье, и я решила не будить ее зря.

Перед главным корпусом больницы с табличкой «Здание западной поляны» все выглядело чинно: одни пациенты курили, другие мирно беседовали, внимательно рассматривая друг друга. Большинство, и мужчины и женщины, были одеты в застиранные легкие халаты, едва прикрывавшие мешковатые брюки и широкие рубахи.

Из однородной картины первозданной безмятежности психиатрического рая выбивалась одна пациентка. Она сидела на ближайшей полянке под развесистой ивой, на расшитом матерчатом коврикe, нарочито отдаляя себя от толпы. Над девушкой возвышался раскрытый широкий белый зонт. Пациенты не обращали на сидящую никакого внимания. На плечах у нее был серенький халат, а в руке неподвижно застыла толстая книга «Война и мир».

Пробежав по высокому пролету ступенек, завернутому полукругом и уходящему почти в крышу, я оказалась у окошка медсестры. Миловидная девушка что-то писала на листе.

— Я знаю, мы вас ждали, пожалуйста, проходите, — ответила она мне после казенного приветствия. — Про пациента вам уже рассказали, но я напому. Его зовут Иван Иванович. Он поступил в отделение три дня тому назад из больницы Нью-Вестминстера. Там его выхаживали после кровоизлияния в мозг. Нянечки вызвали скорую,

когда увидели, что он упал прямо в саду около дома престарелых. Сам дом находится в двух минутах от районной больницы. Его домчали туда на скорой и вовремя сделали все необходимые инъекции. Кровоизлияние удалось остановить. Можно сказать, что пациент повезло, и он почти полностью восстановился. Живет, как и жил, не нарушает привычек: может столярничать, гулять, свободно общаться, — пояснила она, слегка кашлянула, запинаясь на слове «общаться», несколько раз взглянула на часы. — К нам пациент попал сразу из больницы, по направлению от социальных служб по уходу за стариками. Честно говоря, мы растеряны и пока не имеем представления о том, как он интегрируется в местную жизнь.

— Немного непонятно, вы сказали, что у пациента все без нарушений? Почему же тогда возникли такие опасения, и почему он тут?

— Пройдёмте, тут недалеко, по коридору налево, — уверенно сказала она.

Я молча последовала за медсестрой.

— Да, я хотела сказать, что у него случился криз и оказался задет отдел мозга, отвечающий за память. В его памяти все перепуталось, нам сказали, что он говорит о второй мировой войне, сказали... вспоминает своих родных, как будто они живы.

— А где его родные? — спросила я.

— У него никого нет. Он всю жизнь прожил в Канаде один. Попал сюда в 1946 году, семьи не завел и так и жил, работал на валке леса, обеспечил себя на всю жизнь. Теперь вот совершенно беспомощен, после инсульта забыл английский язык, — девушка закончила совсем мягким голосом, как будто извинялась за старика.

— Забыл английский? — переспросила я, а она закивала в ответ. — Мы вас, в принципе, и вызвали из-за этого. Он ничего, почти ничего не помнит и целый день общается на русском, — добавила она и открыла дверь палаты.

На меня пахло запахом старости, смешанным с парфюмерной благодатью моющих средств. На обычной больничной койке восседал седовласый худой старец в открытой голубой рубашке. Из-под оттопыренного воротника торчали резные ключицы. Острый кадык и запавшие щеки старика заросли седой щетиной. Увидев нас, он широко заулыбался и протянул руки вперед.

— Ридненьки мои, доченьки, ласточки, вернулись за мной, — сказал он и шагнул к нам, резко привстав с кровати.

Его жилистое тело напрягалось, но двигался он легко. Не успев увернуться от объятий незнакомца, я оказалась затянутой в омут его рук. Еще через секунду мой нос уткнулся в воротник и костлявую грудь старика.

В отличие от меня, молоденькая медсестра среагировала быстро и натренировано. Одним мгновением сильных алебастровых рук она оттащила пациента от меня каким-то необычным захватом сзади.

Я снова смотрела на него с середины комнаты, а медсестра присела рядом с пациентом, усадив его на кровать.

— Спокойно, дышите спокойно, — продолжала она, глядя его руку.

Я послушалась ее и начала дышать спокойнее, поправила скомканную спереди блузу и только потом поняла, что она успокаивала не меня.

— Татьяна, познакомьтесь, это Иван Иванович, — представила медсестра пациента. — Он сам придумал себе новое имя, — предупредила она. — Иван Иванович, это ваш переводчик, — сказала она деду, а я перевела.

— Тетяночка, привет, а меня звать Дид, — сказал он.

— Да, так и мы, как будто он сделал что-то, зовем его Дид, — улыбнулась медсестра.

Я поняла, что она принимает украинское слово «дид», «дед», за «Did», английский глагол действия прошедшего времени.

— А я, доченьки, собирався на улицу йти, — продолжал Иван. — Туча надвигалась, я сорочку надив и тут вас побачив. — Он еще раз широко улыбнулся, в голубых глазах сверкнули не то слезы, не то огонек радости.

Медсестра вопросительно посмотрела на меня. Я быстро перевела его слова. Она кивнула:

— Конечно, пусть идет, прогулки ему необходимы, — сказала она мне. — Погуляем по полянкам, посмотрим на белочек, — обратилась она к Ивану совсем ласково, с заботой осматривая его.

Я перевела, глядя прямо в глаза деду. Дид заулыбался. От его безразмерной безоблачной улыбки, глаз и морщин, бежавших окопами вниз по лицу, от торчащего кадыка и ключиц, ветвями выступающих из худого, длинного тела, стало совсем тесно в палате. Палата оказалась совсем небольшой.

Иван устремился навстречу солнцу. Он улыбался, шел ровно и гордо, как ходят под флагом или когда легко за плечами: ни боли,

ни обид, ни прошлого, ни будущего, или когда совсем не осталось надежды.

Дид шагал впереди. Я почему-то была уверена, что нам его не догнать. Еще через минуту мы с медсестрой семенили за ним по узкому больничному коридору. Одна из стен коридора была пронизана высоченными, от пола до потолка, окнами. В старинных, неоднородных и как будто стекавших к полу стеклах отражался парк. За окном бушевало лето, а мы шагали по коридору, как будто в картине, готовые выйти и раствориться в парке заживо.

Густые стекла окон становились толще и затуманивались у пола. Вдалеке показался просвет двери. Неожиданно зазвонил телефон.

Медсестра быстро перебрала фалды халата, вытащила из них тоненькую «Нокию», как будто обрадовалась и заговорила в нее быстро-быстро.

Иван Иванович не обратил на звонок никакого внимания. Он был нацелен на прогулку и, не задумываясь, шагал в конец коридора. В конце темноты дверь легко поддавалась под его мозолистой рукой. Мы вышли в солнечный день. Я проводила взглядом извиняющуюся на ходу медсестру, срочно убегавшую в другом направлении больничных лабиринтов.

Широкими шагами, все больше и больше отдаляясь от меня, Дид шагал через поляну. Зеленые травинки и удивленные кустарники расступались у его ног, роняли жемчуга вечерней росы и тут же, жалея о потерях, смыкали свои ряды, сверкали новой надеждой на будущее солнце.

Мне показалось, что Дид спешил к девушке под белым зонтом. Она все так же неподвижно сидела на поляне под березой. Остановившись совсем близко от нее, он продолжил:

— Доченька моя, Тетянка, это ты? — повторил несколько раз, разговаривал сам с собой. — Прости меня, родная, шо я оставил тебя, не доглядел, ушел на войну... совсем не хотел потерять тебя в этой войне.

Девушка оторвала взгляд от книги и подняла на него глаза.

— Не плачь, Иван, — сказала она по-русски. — Война прошла давным-давно. В книге про это все написано. Война не победит тебя и не победит жизнь. Садись на траву, отдохни, — услышала я слова обитательницы психиатрической больницы.

Она подняла на Дида прекрасные серые глаза.

Мне захотелось подойти поближе, однако пришлось оглянуться на резкие непонятные звуки, доносившиеся из глубины парка.

В противоположной стороне раскинувшейся внизу поляны, как на зеленой сцене, происходили какие-то действия, сопровождавшиеся звуком ударов хлыста. Лошадей поблизости не было и, забыв об Иване Ивановиче, я с удивлением пошла на звук, пытаясь получше рассмотреть происходящее.

Передо мной открылась совершенно непонятная картина. На грязной, пожелтевшей вытоптанной траве, изможденные и израненные, по щиколотки в грязи, одетые в измотанную в клочья военную форму по кругу бежали солдаты.

На мокрых от пота, без знаков различия гимнастерках то тут, то там виднелась кровь. Большинство мужчин бежало с опущенными вниз головами, они то и дело спотыкались, стараясь перевести дух, с мучением поднимали головы к раскидистым верхушкам кленов. В середине этого кровавого круга стоял огромный солдат в форме фашиста, с автоматом и в каске, с кнутом в руках. Кнут посвистывал, как будто стараясь вырваться из руки с закрученным до локтя рукавом, кружил над головами, то и дело падал в грязь, подскакивал снова вверх, со свистом и болью опускался на плечи пробежавших солдат. Слышались стоны и крики.

Я ничего не могла понять, не двигаясь, смотрела на происходящее действие с пригорка, как будто из другой страны или из другой эпохи. В горле у меня застрял комок, дыхание перехватило. Я глянула дальше, за клены. Сюрреализм происходящего подтверждался кадром больничной парковки, заставленной современными фурами с прожекторами и инвентарем киношников.

Если поделить картину на два глаза, то казалось, что одному из них достался мирный пейзаж с бытовухой и обслуживающим персоналом съемок, а другому открылась сцена ужасов войны.

В этот момент я могла еще выбрать и закрыть один глаз, но оказалось, что в кино, как и в жизни, времени на это совсем не осталось.

Солдаты продолжали бежать. Над их головами свистел кнут, а из высокого кожаного кресла, которое разместилось под веткой ели, показался плотный мужчина неказистой наружности, в серой куртке и с поцарапанным лицом. Он сначала вскинул руки вверх, затем начал что-то возбужденно выкрикивать. Солдаты перестали бежать, по инерции остановились. Некоторые из них, не успев притормо-

зять, уткнулись в спины впереди бегущих и замерли, согнувшись пополам, в изнеможении от долгого бега. Широкоплечий мужчина продолжал жестикулировать, поднялся на цыпочки и побежал вперевалочку, копируя солдат. Мне показалось, что он учил их бегать и страдать. Как дирижер оркестра, он жаждал чувств. Ему не хотелось обычных действий массовки, он желал пота, боли и накала. Солдаты повиновались. Дитина в серой куртке опять что-то прокричал, пробежался вразвалку, копируя кого-то из непослушных актеров, а затем повернулся и пошел к своему креслу.

— Так вот ты где, Танюша! А я ищу тебя, — услышала я голос Наташи у себя за спиной.

Она уже почти касалась моего плеча и так же, как и я, вдруг застыла на месте, взглянув на солдат, и кровь, и пот, и эту карикатурную войну, развернувшуюся посреди поляны возле психушки.

Широкоплечий поднял с земли автомат и наставил его на солдат. Он пытался довести свое дело до конца, наводил дуло то на одного, то на другого, как будто злобно торговался с ними за их жизни. Затем он повернулся в нашу сторону.

Мы обе вскрикнули, увидев его лицо. Наташа закричала пронзительно и звонко. От этого крика вылетела птица из куста, а вооруженный автоматом мужчина снова поднял голову и уставился на нас. Я мгновенно узнала его, и этот черный ежик коротких волос с проседью и расцарапанную сегодня утром щеку.

— Майкл! Вот негодяй! — закричала Наташа. — Тебе мало загубленных душ, подонок, так ты еще и пленных захотел! Негодяй, сволочь, фашист! — закричала она и подалась вперед.

Одним движением застывших пальцев я набрала 911 и произнесла: «Полиция!» В это мгновение Наташа уже бежала вниз. Распахнутые фалды серого халата вспорхнули за ней, словно крылья серой цапли. Она пролетела расстояние, разделявшее нас и солдат, за несколько мгновений. Сила и скорость ее движения умножались при беге с горы. Не ожидая расправы и не готовясь отступить, Майкл застыл в оцепенении бетонным столбом.

Солдаты продолжали по инерции свой бег. Наташа набросилась на Майкла с кулаками. Удара ее тела оказалось достаточно, чтобы свалить его с ног.

Я тоже бежала вниз. Упав вместе с Майклом на траву, Наташа молотила его руками. Майкл сначала отбивался, привстал, а потом

схватил ее за руки и стал заламывать их, пытаясь поставить девушку на колени.

В ту же секунду он увидел меня, несущуюся вниз, успел увернуться от тела номер два, подался вперед и заехал мне кулаком в лицо. Из моих глаз брызнули слезы, и что-то липкое потекло по щеке. Наверное, это была кровь. Поляна покраснела, и трава перед глазами покрылась бурыми пятнами.

Еще через секунду я оказалась лежащей на траве, передо мной корчилась, извиваясь, Наташа, не соглашаясь встать на колени.

Исцарапанный Майкл, разъяренный нашим появлением, крепко держал ее руки, продолжал бороться, напрягался, что-то шипел не то Наташе, не то нам обеим.

— Будешь, наконец, послушной, русская шлюха!

Я посмотрела на солдат и вдруг услышала голос мужа:

— Татьяна, держись! Я с тобой! — кричал он.

Перед глазами промелькнули разодранная гимнастерка, измазанные грязью щеки Виктора и его добрые глаза. Муж был уже рядом. Он целовал меня в липкие ресницы.

— Братва, наших бьют! — услышала я крики, как в кино.

Солдаты бежали к нам на помощь. Липкая кровь, смешанная с тушью ресниц, слепила правый глаз. Наташа уже снова молотила кулаками Майкла и воздух вокруг него. Майкл ослабил захват, и ей удалось вырваться из его плена. Падая, он схватил и потянул длинный шнурок, свисавший с дерева. После этого, прямо с земли, к верхушкам кленов рванулась вверх плотная маскировочная сетка.

Толпа солдат, летевших к нам на спасение, была захвачена в плен и находилась теперь в зеленом сеточном мешке.

— Ах ты, сука! Я тебе кости переломаю!

— Опустит сетку, сволочь! — неслось по-русски из толпы, которая в едином порыве превратилась в армию.

Майкл засмеялся, потянул за веревку еще раз и стал завязывать узлы. Солдаты махали руками, но не могли освободиться. Их кулаки вылетали за пределы мешка, но не могли прорваться на свободу, а руки проваливались и вязли в сетке, как руки беспомощных детей.

— Вот, гад! Он заранее все это соорудил, решил держать нас в плену! — кричал кто-то из солдат.

Другие сопели и пробовали порвать капроновую сетку руками.

— Вы, бестолковые дешевки, вы просто мой инвентарь! — кричал разъяренный и пьяный от собственной значимости киношник по-английски.

Виктор был рядом с нами. Ему одному удалось избежать плена сетки. Я все еще лежала на траве. Мой муж вытирал мне лицо.

— Ты видишь меня, Танечка? Как твой глаз? Как ты тут оказалась?

— Это я тебя хочу спросить: откуда ты тут взялся? — почти простонала я.

— Так подработка ж у меня с утра! Сегодня среда. Ты забыла? — только и успел сказать он.

Я заметила, что глаза мужа были мокрыми от слез.

— Что ты, Виктор, что с тобой? Мой глаз заживет! — пыталась обнять и успокоить его.

— Скажи мне, Таня, ты сделала аборт? — вдруг неожиданно спросил мой муж.

— Какой аборт, Виктор? О чем ты?

— Я вчера вечером заглянул в твой еженедельник, и в расписании увидел аборт. Как ты могла решить все без меня?

— Я ничего не решала, Виктор, успокойся, — стараясь отвечать медленно, сказала я.

Он вроде бы поверил и засиял. Старалась смотреть ему прямо в глаза.

— Аборт у меня был в расписании, я переводила Наташе, это по работе... Как ты мог додуматься до такого, Виктор?

Виктор ничего не сказал, он только вдохнул, обнял меня и выдохнул мне в волосы. Запах его разодранной гимнастерки смешался с запахом травы.

— Прости, — я услышала его голос прямо в ухе.

Муж целовал меня в волосы.

— Родная моя, я так за тебя переживал!

— Конечно, переживал, не придумывай ничего лишнего!

В это время Майкл схватил Наташу сзади, в одно мгновение завернул ей руки назад и начал связывать их веревкой.

— А вы, двое, спокойно, стоять! — скомандовал он.

Еще секунда, и он направил на нас дуло автомата. Со стороны было трудно определить степень бутафорности этого оружия.

— Не двигаться, — завопил насильник по-русски, и его широкие ноздри раздулись чернотой. — Я вас всех поставлю на колени! — кричал он куда-то вверх.

Под сеткой стояли и лежали солдаты. Они продолжали рвать ее, толкались, пытаясь достать до обидчика руками.

— Сидите смиренно и заткнитесь! Я всех научу жить! — не успокаивался Майкл.

— Кто ты, падлюка? — закричал вдруг восставший из ниоткуда Дид.

Он вырос позади Майкла, схватил стоявшую под деревом широкую лопату и медленно опустил ее на голову обидчику. Лопата зазвенела глухим эхом.

— Откуда ты вылиз, гадина? — кричал Дид. — Хлопци, солдатики, мои ридненьки, як вы туда попали? Щас я поможу вам, Боже, Боже! Це наши детки, зачем их на войну! — кричал Дид и рвал узлы шнурка, зажимавшего мешок сетки, который крепко держал пленных. — Все вильни, свобода! Выходи! — кричал Иван выпуская солдат из сеточного мешка.

Он плакал, по рубашке текли слезы, размазанная грязь. Он обнимал солдат, которые выбирались из-под сетки и помогали друг другу.

Перед нами образовалось целое столпотворение.

Я держалась за глаз и чувствовала дрожь тела Наташи и теплоту плеча Виктора. Мы были вместе на поляне и в то же время в мире, в кино, и в реальности сегодняшнего дня.

Сквозь приоткрытые ресницы я видела, как капли вечерней росы серебрили траву, убегая дорожкой в сторону заката, в стороне от съемочной площадки, где Дид обнимался с солдатами.

Казалось, что все происходящее и наша история не оставили никаких следов на нетронутой некошеной глади Земли.

Природа переживет всех нас, мне показалось, что я произнесла это вслух.

— Наши дети все исправят, — сказал Виктор и посмотрел на меня. Я молча ответила ему согласием.

— Если мы сможем уважать себя и их, — отозвалась эхом Наташа.

Она стояла над телом своего обидчика. Фалды халата, развеваясь на ветру, как будто обнимали ее худое хрупкое тело. Рядом в грязи валялся деревянный муляж автомата.

На дороге у поляны показались две машины с мигалками. За деревьями слышались крики. По траве, через поле к нам бежали канадские полицейские.

